

Жорж Сименон

«Мегрэ и труп молодой женщины»

Глава первая

в которой инспектор Лоньон находит труп и расстраивается, потому что труп уводят у него из-под носа

Мегрэ зевнул и отодвинул бумаги на край стола.

— Подпишите это, ребята, и можете идти спать.

Это ласковое обращение относилось к трем, вероятно, самым строптивым и не желающим раскалываться типам из тех, кто в течение последнего года попадал на набережную Орфевр. Один из них, которого звали Доду, напоминал огромную обезьяну, а самый хилый, с фиолетовым заплывшим глазом, мог бы с успехом зарабатывать на жизнь, участвуя в состязаниях борцов на народных праздниках.

Жанвье положил перед ними бумагу и ручку. Теперь, поняв наконец, что изворачиваться бесполезно, они перестали препираться по каждому поводу и, даже не прочитав протоколы допросов, подмахивали их по очереди с лицами, на которых было написано отвращение.

Мраморные часы показывали несколько минут четвертого. Большинство кабинетов в здании Уголовной полиции тонуло в темноте. Тишину прерывали только доносившиеся издали автомобильные гудки да визг тормозов такси, скользивших по мокрому асфальту. Когда вчера их привели сюда, в коридорах тоже было пусто, потому что еще не было и девяти утра. С неба сыпал мелкий, угнетающий дождь.

Прошло тридцать часов, которые арестованные провели в этих стенах, пока Мегрэ и пять его помощников, меняясь, проводили дознание, допрашивая их то всех одновременно, то по одному.

— Кретины! — констатировал комиссар, как только их ввели — Эти продержатся недолго.

Таких тупиц всегда трудно заставить говорить правду: они воображают, что, не отвечая на вопросы или говоря заведомую чепуху, опровергая то, что сами же утверждали пять минут назад, можно выкрутиться. Они уверены в своей изворотливости и сначала неизменно начинают куражиться — «Месье думал, что со мной ему будет легко?»

Уже несколько месяцев они «работали» в районе улицы Ла Файет, пробивая отверстия в стенах домов, репортеры уголовной хроники прозвали их «дыроколами». Анонимный телефонный звонок помог взять их с поличным.

На дне чашек было еще по несколько глотков кофе: маленький эмалированный кофейник, изрядно поработавший эти сутки, стоял на плитке. Лица у всех были серые, стянутые усталостью. Мегрэ выкурил уже столько, что саднило в горле. Он дал себе слово, что как только разделается с этой троицей, сходит с Жанвье поесть лукового супа. Сонливости не было совершенно. Около одиннадцати вечера он почувствовал было неожиданный приступ усталости и пошел в свой кабинет немного вздремнуть, но теперь даже и не думал о том, чтобы лечь.

— Попроси Ваше, чтобы препроводил арестованных. Они как раз выходили из комнаты инспекторов, когда зазвонил телефон. Мегрэ снял трубку.

— Это кто? — услышал он.

Комиссар нахмурился и выдержал паузу. На другом конце провода продолжали допытываться:

— Жюссье?

Так звали инспектора, который должен был дежурить сегодня ночью, но Мегрэ еще в десять вечера отправил его домой.

— Нет. Здесь Мегрэ, — буркнул он.

— Прошу прощения, господин комиссар. Это Раймон с центральной. Раймон звонил из соседнего здания, где в огромном помещении располагался центральный диспетчерский пульт парижской Уголовной полиции. Почти на каждой улице находились специальные сигнальные устройства. Стоило разбить стекло и нажать на кнопку, как на огромной карте, занимающей целую стену диспетчерской, зажигалась лампочка. Дежурный полицейский тут же отвечал: «Уголовная полиция. Слушаю».

Иногда причиной вызова была обычная драка, иногда оказывал сопротивление пьяница, иногда звонил патрулирующий свой участок инспектор и просил помощи.

Дежурный выходил на связь: «Пост на улице Гренель? Это ты, Жюссье? Вышли машину на Бульвар к номеру двести десять.»

В центральной каждую ночь дежурило два-три человека. Наверное, тоже варили себе кофе. От случая к случаю, когда происшествие было серьезным, поднимали по тревоге всех инспекторов. Но часто звонили и просто так, поболтать с приятелем. Мегрэ знал Раймона.

— Жюссье пошел домой, — ответил он. — Что передать?

— Только то, что на площади Вэнтимиль обнаружен труп какой-то девушки.

— Никаких подробностей?

— Люди из второго округа уже на месте. Я получил сигнал три минуты назад.

— Благодарю.

Великолепную тройцу уже доставили в следственную тюрьму. Ваше и Жанвье вернулись обратно. Как всегда после ночных бдений, веки у Жанвье были красные, а выросшая за ночь щетина придавала его лицу нездоровый вид.

Мегрэ надел плащ и потянулся за шляпой.

— Идешь? — спросил он Жанвье.

Они спустились по лестнице. Обычно комиссар с кем-то из помощников заходил куда-нибудь съесть по тарелке лукового супа. Но на этот раз, когда они поравнялись с рядом маленьких черных автомобилей, стоявших во дворе, Мегрэ заколебался.

— Только что на площади Вэнтимиль нашли тело какой-то девицы. После этого, как ребенок, который ищет любой предлог, чтобы только не идти спать, добавил:

— Поедем, посмотрим?

Жанвье молча сел за руль одной из машин. Они оба были слишком утомлены многочасовым допросом, который только что закончили, чтобы о чем-нибудь говорить.

Мегрэ не отдавал себе отчета в том, что второй округ — это участок Лоньона, которого коллеги называли инспектор Растяпа. Впрочем, если бы комиссар об этом и вспомнил, ничего бы не изменилось, а Лоньон мог и не дежурить этой ночью на улице Ларошфуко.

Улицы были пустые, мокрые, мелкие капли дождя образовывали вокруг газовых фонарей ажурные сверкающие ареолы, около домов мелькали редкие тени прохожих. На углу Монмартра и Больших Бульваров еще было открыто кафе, далее виднелись рекламы двух или трех ночных заведений и ряд такси, стоящих вдоль тротуара.

На расположенной в двух шагах от площади Бланш площади Вэнтимиль было спокойно. Сбоку стояла полицейская машина. Рядом с оградой маленького сквера несколько мужчин окружили лежащий на земле светлый предмет.

Мегрэ сразу заметил низкий и щуплый силуэт Лоньона. Инспектор Растяпа подался вперед, стараясь разглядеть вновь прибывших. Он тоже узнал Мегрэ и Жанвье.

— Привет! — буркнул комиссар.

Конечно, Лоньон знал, что Мегрэ здесь не случайно. Это был его, Лоньона, участок, его поле деятельности. Случай произошел как раз в его дежурство, и ему представилась

возможность, которую он ждал несколько лет. И тут появляется Мегрэ!

— Месье комиссару позвонили домой? — подозрительно спросил Лоньон, уверенный, что против него начинается заговор.

— Нет, я был в конторе, когда позвонил Раймон. Вот, приехал посмотреть...

Если бы Мегрэ сейчас удалился, не узнав, в чем дело, это только бы усилило подозрительность Растяпы.

— Мертва? — спросил комиссар, показывая на лежащую женщину.

Лоньон утвердительно кивнул. Над телом стояли трое полицейских и какая-то пара. Это были люди, которые, как узнал Мегрэ позднее, первыми увидели труп и вызвали полицию. Если бы все это случилось на сто метров дальше, сразу же около трупа собралась бы толпа зевак, но по площади Вэнтимиль мало кто ходил ночью.

— Кто она?

— Неизвестно. Нет никаких документов.

— У нее не было сумочки?

— Нет.

Мегрэ сделал несколько шагов и наклонился. Женщина лежала на правом боку, щека была прижата к мокрому асфальту, одна нога — босая.

— Не нашли туфлю?

Лоньон молча покачал головой. Прозрачный чулок выставлял на всеобщее обозрение тонкую ступню. Зрелище это было неожиданным и приковывало к себе внимание какой-то трогательной непристойностью. Женщина была в вечернем платье из светло-голубого шелка; казалось, что платье великовато ей. Может быть, в самом деле это только казалось из-за неестественного положения тела...

Лицо было молодое. Мегрэ подумал, что ей самое большее двадцать лет.

— Где доктор?

— Как раз его и ждем. Вот-вот должен подъехать.

Мегрэ повернулся к Жанвье:

— Нужно позвонить дежурному. Скажи, чтобы прислали фотографа.

На платье следов крови не было. Комиссар взял у одного из полицейских фонарик и осветил лицо лежащей. Ему показалось, что левый глаз слегка подбит, а верхняя губа припухла.

— На ней не было плаща?

Этот март был теплым, но не настолько же, чтобы гулять ночью, а тем более в дождь, в легком платье, которое не закрывало плеч и держалось только на узких бретельках.

— Скорее всего, убили ее не здесь, — пробормотал Лоньон, который понял, что с этой минуты дело ушло у него из рук и он будет только помогать комиссару.

Жанвье пошел позвонить в один из баров на площади Бланш. Через минуту приехало такси с полицейским врачом второго округа.

Врач нагнулся, приподнял руку лежащей, потом молча выпрямился и отошел к остальным.

— Пойдем, — сказала женщина. Она держала мужа под руку, видимо, пытаюсь согреться.

— Подождем еще немного.

— Чего еще ждать?

— Не знаю. Они, наверное, будут что-то делать.

Мегрэ повернулся к ним:

— Господа оставили свою фамилию и адрес?

— Да, тому господину. Они показали на Лоньона.

— Когда вы обнаружили тело?

— Мы вышли из кабаре в три часа, — сказал мужчина.

— В пять минут четвертого, — поправила его жена. — Я посмотрела на часы, когда мы забирали вещи из гардероба.

— Неважно! Три, четыре минуты — какое это имеет значение! Мы хотели пересечь площадь и увидели светлое пятно на асфальте.

— Она уже была мертва?

— Скорее всего. Не шевелилась, по крайней мере.

— Вы к ней не прикасались? Мужчина покачал головой.

— Я послал жену вызвать полицию. На углу бульвара Клиши есть полицейская сигнализация. Я знаю об этом, так как мы живем в нескольких шагах отсюда, около бульвара Батиньоль.

Тем временем вернулся Жанвье.

— Они будут через несколько минут, — сообщил он.

— Там не было Мурса?

Мегрэ не мог себе объяснить почему, но он чувствовал, что начинается сложное, интересное дело. Он стоял — трубка в зубах, руки в карманах, — поглядывая время от времени на лежащую женщину. Голубое платье не было новым. Она могла принадлежать к когорте «ночных бабочек», промысляющих в заведениях Монмартра. Об этом говорила и серебристая туфелька на очень высоком каблуке со стершейся набойкой.

Первое, что приходило в голову: на возвращавшуюся домой проститутку кто-то напал и отнял сумочку. Но этот «кто-то» не стал бы забирать одну туфлю и не снял бы с жертвы плащ.

— Ее убили где-то в другом месте, — вполголоса сказал Мегрэ, обращаясь к Жанвье.

Лоньон, который стоял рядом, наострив уши, услышал его слова и иронически скривился: ему первому пришла в голову эта мысль.

Если ее убили где-то в другом месте, зачем нужно было тащить тело на эту площадь? Убийца не мог нести труп на плечах по городу. У него должна быть машина. Но в таком случае значительно проще было бы спрятать тело в безлюдном месте или, еще лучше, бросить в Сену!

Но не это больше всего интриговало Мегрэ. Самым необычным в этой истории было лицо жертвы. До сих пор он видел его только в профиль. Ребенок, надувший губы от обиды на целый свет... Неужели так казалось только потому, что лицо припухло от удара? Отброшенные назад темные, даже на вид мягкие вьющиеся волосы... Макияж слегка расплылся под дождем, но даже это вместо того, чтобы портить, делало девушку еще более молодой и очень привлекательной.

— Месье Лоньон, можно вас на минуту?

Мегрэ отвел его в сторону.

— Слушаю, комиссар.

— У вас есть версия?

— Месье хорошо знает, что у меня не может быть никаких версий. Я — обычный окружной инспектор.

— Вы ее нигде не видели?

Лоньон знал окрестности площадей Бланш и Пигаль, как свой собственный карман.

— Нет, никогда.

— Проститутка?

— Если даже и так, то не профессиональная. Я их всех знаю.

— Вы будете мне нужны.

— Если месье Мегрэ говорит мне это только для того, чтобы сделать мне приятное, то может взять это дело себе. С той минуты, когда дело начинает интересовать набережную Орфевр, ко мне оно уже не относится. Я не протестую. Это нормально. Я привык к этому. Месье будет приказывать, а я сделаю все, что смогу.

— Было бы неплохо поговорить со швейцарами ночных заведений. Лоньон кинул взгляд на труп и со вздохом повиновался:

— Уже иду.

Для него было совершенно ясно, что его обошли. Он двинулся своей обычной усталой походкой и пересек площадь. Видно было, что он делает над собой усилие, чтобы не оглянуться.

Подъехала машина уголовной полиции. Как раз в это время проходивший мимо подвыпивший субъект закричал, что никто даже не пытается помочь «малютке»:

— Все вы, лягаши, такие! Стоит только, как сразу, того... Его пришлось оттащить в сторону.

Когда тело сфотографировали, врач повернул труп на спину. Лицо оказалось еще моложе.

— Что стало причиной смерти? — спросил Мегрэ.

— Перелом основания черепа.

Врач провел рукой по волосам мертвой.

— Ее ударили по голове чем-то тяжелым: молотком, гаечным ключом, обломком трубы... Сейчас это трудно определить. А сначала били по лицу. Похоже, что кулаком.

— Вы можете хотя бы приблизительно определить время смерти?

— По-моему, между двумя и тремя часами. Доктор Поль после вскрытия скажет точнее.

Подъехал фургон Института судебной экспертизы. Санитары ждали знака, чтобы положить тело на носилки и отправить его в направлении моста Аустерлиц¹.

— Забирайте, — вздохнул Мегрэ. Он искал взглядом Жанвье.

— Перехватим что-нибудь?

Им уже совсем расхотелось есть, но несмотря на это, зайдя в третьеразрядный ресторанчик (он был еще или уже открыт, трудно сказать точнее в это нелепое время), они попросили подать, как и договаривались час назад, две тарелки лукового супа. Мегрэ распорядился отослать фотографии убитой в газеты, чтобы, если, конечно, это будет возможно, их напечатали уже в утренних выпусках.

— Патрон, поедете туда? — спросил Жанвье. Мегрэ понял, что он имеет в виду мертвецкую, которую обычно громко называли Институтом судебной экспертизы.

— Наверное, заеду...

— Доктор Поль ждет вас. Я и ему позвонил.

— Выпьем по одному?

— Если комиссар желает...

За соседним столиком две женщины ели кислую капусту. Проститутки, обе в вечерних платьях. Мегрэ внимательно приглядывался к ним, словно хотел убедить себя, что жертва с площади Вэнтимиль на них совсем не похожа.

— Ты пойдешь домой?

— Провожу вас, — ответил Жанвье.

Было уже полпятого, когда они добрались до моста Аустерлиц. Доктор Поль вышел к ним сразу с сигаретой, будто приклеенной к нижней губе, как всегда, когда он был занят делом. Как раз сейчас он надевал на ходу белый халат.

— Вы ее уже осмотрели?

— Мельком.

Нагое тело лежало на мраморном столе. Мегрэ отвел глаза.

— Что вы можете сказать?

— Ей самое большое девятнадцать, ну, двадцать лет. Была совершенно здорова, но подозреваю, что немного недоедала.

¹ Близ моста Аустерлиц в Париже находится Институт судебной экспертизы.

— Девушка из кабаре?

Доктор Поль посмотрел на Мегрэ маленькими проницательными глазками.

— Вы хотите сказать, что она — одна из тех, кто спит с клиентами?

— Вроде того.

— В таком случае ответ будет коротким: нет.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что она никогда ни с кем не спала.

Жанвье, который машинально смотрел на освещенное лампой дневного света тело, покраснел и опустил глаза.

— Это точно?

— Абсолютно.

Доктор надел резиновые перчатки и начал раскладывать хирургические инструменты.

— Господа останутся?

— Мы подождем рядом. Это будет долго?

— С часок. Может быть, и найду что-нибудь интересное. Вам нужен анализ содержимого желудка?

— Прежде всего. Вдруг это даст что-нибудь.

Мегрэ и Жанвье прошли в соседнюю комнату, сели и уставились в одну точку. Так больные ждут своей очереди в приемной врача. У того, и другого перед глазами было молодое белое тело.

— Ломаю голову, кем она может быть, — произнес через некоторое время Жанвье. — Вечернее платье надевают только в театр, в кабаре или на какой-то прием.

Оба думали об одном и том же. Что-то тут не так. Даже на товарищеских вечеринках, куда тоже надевают вечерние туалеты, редко можно увидеть такое дешевое и «утомленное жизнью» платье, как то, в котором была незнакомка.

С другой стороны, исходя из того, что только что констатировал доктор Поль, трудно было предполагать, что девушка «работала» в одном из ночных увеселительных заведений Монмартра.

— Свадьба? — неуверенно сказал Мегрэ.

Это еще один повод для молодой девушки нарядно одеться в меру своих возможностей.

— Вы уверены?

— Конечно, нет.

Мегрэ со вздохом зажег трубку.

— Подождем.

Они молчали минут десять. Наконец, комиссар обратился к Жанвье:

— У тебя нет желания принести ее одежду?

— Это необходимо именно сейчас, патрон?

Мегрэ кивнул.

— Может, ты боишься?

Жанвье открыл дверь. Его не было две минуты. А когда он вернулся с голубым платьем и белым бельем в руках, он был такой бледный, что Мегрэ подумал, не стало ли ему там. в прозекторской, плохо?

— Поль уже закончил?

— Не знаю. Я старался не смотреть.

— Дай мне платье.

Его часто стирали. По сравнению с подкладкой материал был уже вылинявший. На метке надпись: «Мадемуазель Ирэн, улица Дуэ, 35 бис».

— Это как раз около площади Вэнтимиль, — обратил внимание Мегрэ.

Он осмотрел чулки (один был мокрый), трусики, лифчик, узкий пояс для чулок.

— Это все, что на ней было?

— Да. Туфли куплены в магазине на улице Нотр-Дам-де-Лоретт.

Опять тот же район! Если бы не замечание доктора Поля, все сходилось на том, что это — проститутка или просто молодая женщина, искавшая приключений на Монмартре.

— Может, Лоньон что найдет? — предположил Жанвье.

— Сомневаюсь.

Оба чувствовали себя неважно и думали только о том, что делается за закрытыми дверями. Прошло около часа, и двери раскрылись. Когда они вошли, тела уже не было. Какой-то человек закрывал один из металлических ящиков, в которых на холоде сохранялись трупы.

Доктор Поль снял халат и закурил.

— Много я не нашел, — сказал он. — Смерть наступила вследствие травмы черепа. Ей нанесли не один удар, а по меньшей мере три и очень сильные. Не могу сказать, чем ее ударили. Это что-то длинное и тяжелое — подсвечник, каминные щипцы... Она сначала упала на колени и пыталась схватиться за кого-то, под ногтями остались частички темной шерсти. Сейчас пошлю их в лабораторию. Скорее всего, это шерсть от мужского костюма.

— Значит, была борьба?

Доктор Поль открыл шкафчик, в котором кроме фартука, резиновых перчаток и разной мелочи лежала бутылка.

— Выпьем по стаканчику?

Мегрэ согласился. Глядя на шефа, и Жанвье кивнул головой.

— То, что я сейчас скажу, — мои личные предположения. Перед тем, как ударить ее по голове, били по лицу кулаком или даже просто ладонью. Кажется, ей достался целый букет звонких и крепких пощечин. Не знаю, тогда ли именно она упала на колени, но склонен так думать. И именно тогда некто решил ее прикончить.

— Это значит, что напали на нее не сзади?

— Уверен, что нет.

— Значит, это не мог быть какой-нибудь бродяга, который набросился из-за угла?

— Думаю, нет. И, кстати, ничто не указывает на то, что это случилось на улице.

— Анализ содержимого желудка что-нибудь дал?

— Дал. И анализ крови тоже.

— И что?

На губах доктора Поля появилась легкая усмешка, как будто он говорил: «К сожалению, я вас разочарую». Доктор выдержал паузу, как всегда, когда рассказывал один из своих коронных анекдотов.

— Она была совершенно пьяна.

— ?...

— Завтра господа найдут в моем рапорте процентное содержание алкоголя, который находился в крови. Я пришлю вам также подробный анализ содержимого желудка. Последний раз она принимала пищу за шесть или семь часов до смерти.

— Когда наступила смерть?

— Около двух ночи.

— А последний раз ела в пять или в шесть вечера?

— Да, но пила она последний раз значительно позже.

Малоправдоподобно, чтобы труп долго лежал на площади Вэнтимиль. Десять минут. Пятнадцать. Наверное, не больше. А получается, что между смертью и тем, как тело положили на тротуар, прошел почти час.

— На ней были какие-нибудь украшения?

Поль прошел в соседнее помещение и принес оттуда пару золотых сережек, украшенных маленькими цветочками из рубинов, и колечко, тоже с рубином, но побольше. Это не было барахлом, но и ничем особенным. Всем драгоценностям, судя по стилю, было

лет тридцать, а может, чуть больше.

— Это все? А вы осмотрели ее руки?

Речь шла о почти легендарной способности доктора Поля определять профессию человека по специфическим изменениям ладони и пальцев. Он делал это виртуозно. Неоднократно умение доктора помогало идентифицировать неизвестных.

— Она немного занималась хозяйством. Но только немного. Не была ни секретарем, ни портнихой. Да, забыл сказать, три или четыре года назад какой-то второразрядный хирург удалил ей аппендикс. Вот пока и все. Вы уходите?

— Да, пора, — буркнул Мегрэ.

— Тогда доброй ночи. Я остаюсь. Около десяти вы получите мой рапорт. А может, еще по стаканчику?

Мегрэ и Жанвье вышли на улицу. На стоящих на якоре баржах с углем начиналась обычная жизнь.

— Вас отвезти домой, патрон?

Мегрэ кивнул. Проехали Лионский вокзал. На него прибывал какой-то поезд. Небо начинало светлеть. Было еще холодней, чем ночью. В нескольких окнах горел свет. Кое-где уже попадались люди, спешащие по делам.

— На работу до полудня не появляйся.

— А вы, комиссар?

— Я тоже отосплюсь.

— Спокойной ночи.

Мегрэ тяжело поднимался по лестнице. Не успел он вставить ключ в замок, как дверь открылась. Мадам Мегрэ, в ночной рубашке, включила свет и смотрела на него, часто моргая глазами, привыкшими к темноте.

— Как ты поздно! Сколько времени?

Как бы крепко ни спала его жена, ему никогда щ удавалось подняться по лестнице, чтобы она не услышала его шагов.

— Не знаю. Часов шесть, наверное.

— Есть будешь?

— Нет.

— Тогда ложись сразу. А может, кофе?

— Спасибо, не хочется.

Он разделся и лег в теплую постель, но вместо того, чтобы уснуть, продолжал думать о незнакомке с площади Вэнтимиль. А за окнами было слышно, как просыпается Париж. То близкие, то далекие звуки постепенно становились все громче, сливаясь в хорошо знакомую городскую симфонию. Дворники вытаскивали контейнеры с мусором на край тротуаров. На лестнице раздались быстрые шаги маленькой помощницы молочника, которая ставила около каждой двери бутылки с молоком.

Мадам Мегрэ вставала с неслыханными предосторожностями Комиссар замер: пусть думает, что он спит. Жена прошла в ванную, потом зажгла газ на кухне. Вскоре запах свежесваренного кофе заполнил всю квартиру.

Он не спал не потому, что не хотел. Он слишком устал, чтобы спать. Жена вздрогнула, когда Мегрэ, в халате и шлепанцах, вошел на кухню, где она завтракала. Еще горела лампа, хотя на улице было достаточно светло.

— Не спишь?

— Как видишь.

— Будешь завтракать?

— Если можно.

Она не спрашивала, почему он пришел домой под утро. Мокрый плащ мфка рассказал ей о многом.

— Не простудился?

Выпив кофе, Мегрэ позвонил в комиссариат второго округа.

— Инспектор Лоньон еще на месте?

Ночные заведения уже давно закрылись, и Растяпа мог идти домой, но он еще сидел в конторе.

— Лоньон? Это Мегрэ. Есть что-нибудь новое?

— Нет. Обошел все кабаре, опросил также всех таксистов, которые ждали клиентов.

Хорошо запомнив, что сказал ему доктор Поль о незнакомке, Мегрэ был готов к отрицательному результату.

— Вы можете идти спать.

— А вы, патрон?

На языке Лоньона это означало: «Меня посылает спать, а сам будет вести расследование. А потом скажет: этот глупый Лоньон ничего не может узнать!»

Мегрэ подумал о мадам Лоньон, худой, болезненной женщине. Из-за своих недомоганий она почти не выходила из квартиры на площади Константэн-Пэкёр. Возвращающегося домой инспектора ждали вечные охи и жалобы, он должен был заниматься хозяйством и бегать за покупками. «А под буфетом ты вытер?» Ему стало жаль Растяпу.

— У меня есть одна маленькая улика. Не уверен, правда, что это что-нибудь даст.

На другом конце провода царило молчание.

— Если вы и вправду не хотите спать, я найду вас через часок-другой.

— Я буду на месте. Мегрэ позвонил на набережную Орфевр, вызвал машину и распорядился, чтобы водитель забрал в Институте судебной экспертизы вещи незнакомки. Потом он принял ванну, причем чуть не уснул, и опять позвонил Лоньону, чтобы взять его с собой на улицу Дуэ к «мадемуазель Ирэн».

Дождь кончился. Небо было светло-серым, через облака пробивались желтоватые лучи солнца. Возможно, в течение дня оно выглянет хотя бы ненадолго!

— Вернешься к обеду?

— Может быть. Не знаю.

— Мне показалось, что ты собирался закончить следствие еще вчера вечером.

— Я его закончил. Это другое.

Он не одевался, пока не увидел полицейскую машину около дома. Водитель три раза просигналил. Мегрэ через окно дал ему знак, что уже выходит.

— Скоро увидимся.

Через десять минут, когда они проезжали по Монмартру, комиссар уже забыл, что вторую ночь подряд не смыкает глаз.

— Остановись где-нибудь, я заскочу выпить стаканчик вина, — сказал Мегрэ шоферу.

Глава вторая,

в которой Растяпа возобновляет старое знакомство, а Лапуэнту поручают необычное задание

Инспектор Лоньон стоял на краю тротуара на улице Ларошфуко. Даже издали он казался обиженным злой судьбой. Одет он был, как всегда, в один из своих костюмов мышинового цвета, которых будто никогда не касался утюг, в такой же серый плащ и некое подобие шляпы. Его кожа была серо-желтой, а выражение лица — как у больного хроническим насморком. И не потому, что Лоньон не спал ночь. Просто-напросто он так выглядел всегда, и даже только что встав с постели, имел несчастный вид.

По телефону Мегрэ предупредил, что заедет за ним, но не просил, чтобы тот ждал на

улице. Тем не менее Лоньон стоял на тротуаре.

У него не только отняли дело, но и заставили тратить время и после бессонной ночи мерзнуть на улице, говорил весь его облик.

Открывая ему дверцу, Мегрэ бросил взгляд на здание окружного комиссариата. Поблекший флаг, украшающий фасад, грустно свисал — погода была безветренная. Именно здесь Мегрэ делал первые шаги как помощник комиссара.

Лоньон без слов опустил на сиденье, не интересуясь, куда его везут

Шофер повернул влево на улицу Дуэ.

Разговор с Лоньоном всегда было делом трудным и деликатным. Что бы ему ни говорили, инспектор всегда находил повод для обиды.

— Вы видели утренние газеты?

— У меня на это не было времени.

Мегрэ вытащил из кармана газету, которую только что купил. Фотография незнакомки была напечатана на первой полосе. Хорошо были видны следы побоев под глазом и на губе, но лицо было узнаваемо

— Уверен, что сейчас раздаются первые звонки!

Лоньон подумал: «Другими словами, я потратил целую ночь зря, таскаясь от одного кабака к другому и от таксиста к таксисту. А они всего лишь разослали фотографии в газеты и теперь ждут звонков!» Ему было не до смеха. Лицо Растяпы стало еще более мрачным и поникшим. Он, Лоньон, сейчас был живым упреком жестокому и дурному человечеству.

Он не задавал никаких вопросов. Он был только маленьким колесиком в полицейской машине, а колесикам много знать ни к чему.

Улица Дуэ была пуста. Только в дверях одного из домов стояла консьержка. Машина остановилась перед окрашенным в бледно-фиолетовый цвет магазинчиком, вывеска на котором гласила: «Мадемуазель Ирэн». А ниже, мелкими буквами, было написано: «Модные, элегантные платья».

В запыленной витрине висели два платья — белое, расшитое блестками, и платье для коктейля из черного шелка. Мегрэ вышел, дал знак Растяпе следовать за ним, приказал шоферу подождать и подхватил с сиденья завернутый в серую бумагу сверток, который прислали из Института судебной экспертизы.

Нажав на ручку, Мегрэ убедился, что двери еще закрыты, но уже не на засов. Было полдесятого. Приблизив лицо к стеклу, комиссар увидел, что в комнате за магазином горит свет, и начал стучать.

Несколько минут никто не выходил. Лоньон стоял сбоку, не двигаясь и не разжимая стиснутых губ. Он не курил уже несколько лет, с тех пор, как жена начала болеть и твердила без конца, что дым ее задушит.

Наконец в глубине магазина появилась какая-то фигура. Это была достаточно молодая девица в красном халате, который она придерживала на груди. Приглядевшись к ним, девица исчезла. Наверное, пошла сообщить кому-то о неожиданном визите. Потом она появилась снова и, медленно прошествовав через заваленный платьями и плащами магазин, наконец решила открыть дверь.

— В чем дело? — спросила она, подозрительно глядя сначала на Мегрэ, потом на Лоньона и в последнюю очередь на сверток.

— Мадемуазель Ирэн?

— Нет.

— А можно ее пригласить?

— Магазин закрыт.

— Я хочу поговорить с мадемуазель Ирэн.

— Кто это хочет?

— Комиссар Мегрэ из Уголовной полиции.

Девушка не удивилась и не испугалась. Ей не было еще и восемнадцати. Она только что проснулась или от природы была такая заторможенная.

— Сейчас посмотрю, — сказала она и ушла.

Было слышно, как она с кем-то тихо разговаривает. Потом раздался характерный скрип кровати: кто-то вставал с постели. Прошли три минуты, за которые мадемуазель Ирэн, видимо, провела гребнем по волосам и надела халат.

Это была немолодая женщина с бледным лицом, большими голубыми глазами и поредевшими светлыми волосами, седыми у корней. Сначала она просунула в дверь голову, а чуть позже предстала перед посетителями с чашкой кофе в руке.

— Чего еще ты от меня хочешь? — спросила она, обращаясь только к Лоньону.

— Я — ничего. Это комиссар жаждет поговорить с вами.

— Мадемуазель Ирэн? — поинтересовался Мегрэ.

— Месье, вероятно, хочет знать мое настоящее имя? Если так, то меня зовут Кумар, Элизабет Кумар. Для моей профессии Ирэн звучит лучше.

Подойдя к прилавку, комиссар развернул сверток, из которого вынул голубое платье.

— Узнаете?

Она не сделала ни шагу, чтобы лучше разглядеть платье, и без колебаний ответила:

— Конечно.

— Когда вы его продали?

— Я его не продавала.

— Но оно из вашего магазина?

Она не предложила гостям присесть, не выглядела Ни удивленной, ни обеспокоенной.

— И что дальше?

— Когда вы видели его в последний раз?

— Это важно?

— Может оказаться, что это очень важно.

— Вчера вечером.

— Во сколько?

— В десятом часу.

— У вас еще открыто в десятом часу вечера?

— Я никогда не закрываю до десяти. Почти каждый день бывает, что клиентки покупают что-то в последний момент.

Лоньон, судя по всему, должен был бы об этом знать, но стоял с непроницаемым выражением лица, будто все это его не касалось.

— Не правда ли, клиентки мадам — это проститутки и артистки кабаре?

— Не только. Некоторые дамочки встают только в восемь вечера, и всегда оказывается, что им не хватает чего-нибудь: чулок, пояса, лифчика... Или неожиданно обнаруживается, что платье, в котором они выходили в последнюю ночь, испорчено...

— Несколько минут назад вы сказали, что не продавали этого платья.

— Вивьен! Еще кофе! — она повернулась к девушке, стоящей на пороге спальни.

Девушка с предупредительностью хорошо вышколенной горничной взяла у хозяйки пустую чашку.

— Это ваша служанка? — спросил Мегрэ, провожая ее глазами.

— Нет. Просто она у меня живет. Как-то раз вечером пришла, да вот так и осталась.

Она не утруждала себя какими-либо вопросами. Неужели Лоньон, на которого она посматривала время от времени, все знал?

— Вернемся к вчерашнему вечеру, — продолжил Мегрэ.

— Явилась тут одна...

— Минутку. Вы ее знаете?

— Видела один-единственный раз.

- Когда?
 - По-моему, месяц назад.
 - Она покупала у вас платье?
 - Нет, взяла напрокат.
 - Вы даёте напрокат вещи?
 - Случается.
 - Она оставила вам фамилию и адрес?
 - Кажется. Я записала на каком-то листке. Если месье хочет, могу поискать.
 - Минутку. Когда она появилась в первый раз, речь шла о вечернем платье?
 - Да, конечно.
 - В тот раз она пришла так же поздно?
 - Нет, сразу после обеда, около восьми. Сказала, что должна иметь вечернее платье, но не может себе позволить его купить. Спрашивала правда ли, что у меня можно взять на время?
 - Не показалось ли вам, что она не такая, как все клиентки?
 - Сначала они все не «такие». А через несколько месяцев становятся «такими».
 - Вы нашли что-нибудь ее размера?
 - Это голубое, что у вас в руках. Сорок четвертый размер. Оно помнит немало ночных приключений девушек с Монмартра.
 - Она взяла его?
 - Сразу.
 - И отдала на следующее утро?
 - В полдень. Я очень удивилась, что она пришла так рано. Обычно они потом спят целый день.
 - Заплатила?
 - Да.
 - И потом вы ее не видели до вчерашнего вечера?
 - Я уже ответила месье. Было начало десятого, когда она явилась и спросила, на месте ли то платье. Я ответила, что на месте. Тогда она начала оправдываться, что не может внести залог, но, если меня это устроит, оставит мне вещи, которые на ней.
 - Она переодевалась здесь?
 - Да. Попросила также туфли и плащ. Я нашла шелковую накидку с капюшоном. Она могла сойти за плащ.
 - Как выглядела эта девушка?
 - Как девушка, которой нужно вечернее платье и плащ.
 - Иначе говоря, это было для нее очень важно?
 - Для них это всегда очень важно.
 - У вас сложилось впечатление, что она шла на свидание? Мадемуазель Ирэн пожала плечами и глотнула кофе, который ей принесла Вивьен.
 - Ваша подопечная ее видела?
 - Она помогала ей переодеваться.
 - Может быть, она говорила что-то такое, что вам запомнилось? — обратился Мегрэ к девушке.
- Хозяйка не дала ей ответить:
- Вивьен не слушает, что говорят. Это ее не касается.
- И в самом деле, девушка выглядела так, будто жила в нематериальном мире. Ее лицо ничего не выражало. Двигалась она бесшумно, а на свою хозяйку смотрела глазами верной рабыни или, скорее, преданного пса.
- Я нашла для нее туфли, чулки и вышитую серебром сумочку. А что с ней случилось?
 - Вы не читали утренних газет?

— Я еще лежала, когда вы пришли. Вивьен как раз готовила мне кофе.
Мегрэ достал газету. Она посмотрела на фотографию, не выказав ни малейшего удивления.

— Это она?

— Да.

— И вы не удивляетесь?

— Я уже давно ничему не удивляюсь. Платье не пострадало?

— Промокло под дождем, но не испорчено

— И то дело. Понимаю, чего хочет месье: чтобы я отдала вещи этой девушки. Вивьен!

Рабыня сообразила, о чем идет речь, и открыла шкаф, в котором висели платья. Она положила на прилавок черное шерстяное платье, и Мегрэ сразу же начал искать фирменную метку.

— Она сама его сшила, — объявила мадемуазель Ирэн. — Принеси ее плащ, Вивьен.

Плащ, тоже шерстяной, бежевый в коричневую клетку, был другого происхождения. Когда-то он был куплен в одном из больших универсальных магазинов на улице Ла Файет.

— Нищета. Месье сам видит. Туфли немногим лучше, не говоря уже о белье.

Прилавок заполнился вещами. Наконец прислужница принесла черную кожаную сумочку с защелкой из белого металла. В ней был только карандаш и пара изношенных перчаток.

— Мадам говорила, что дала ей сумочку?

— Да. Она хотела идти с этой. Я сказала, что сумка и платье не сочетаются и нашла ей вечернюю сумочку, вышитую серебром. Она переложила туда губную помаду, пудреницу и носовой платок.

— Кошелек у нее не было?

— Может, и был, я не обратила внимания. Лоньон продолжал делать вид, что не имеет к разговору никого отношения.

— Во сколько она вышла?

— Переодевание заняло минут пятнадцать.

— Спешила?

— Похоже, что так. Два или три раза смотрела на часы.

— На свои?

— Не заметила, чтобы они у нее были. Часы висят над прилавком.

— Когда она выходила, шел дождь. Она взяла такси?

— Здесь нет стоянки. Она пошла в сторону улицы Бланш.

— А в этот раз она назвала вам свою фамилию и адрес?

— Я ее не просила об этом.

— Вы не могли бы найти тот листок, на котором в первый раз записали ее адрес?

Со вздохом хозяйка обошла вокруг прилавка и выдвинула ящик, до краев заполненный блокнотами, счетами, карандашами, образцами тканей и множеством разномастных пуговиц. Разгребая все это, она не переставала говорить:

— Месье понимает, что хранить их адреса бесполезно: они, как правило, снимают квартиры, которые меняют чаще, чем белье. Когда им становится нечем платить за квартиру, они просто-напросто испаряются... Нет! Это не то... Если я правильно запомнила, то это где-то рядом, знакомая улица. Но не могу найти. Если вам это очень нужно, я поищу получше и позвоню месье.

— Я буду вам очень благодарен.

— Он с вами работает? — она показала на Лоньона. — Он мог бы рассказать месье обо мне кое-что интересное. Правда, должна признаться, что вот уже много лет у меня все в порядке. Не так ли, красавчик?

Мегрэ завернул вещи в ту же самую серую бумагу.

— Месье не оставит мне мое голубое платье?

— Не сейчас. Мы позднее пришлем его.

— Как вам будет угодно. Комиссар уже пошел к выходу, когда вспомнил еще об одной детали:

— Когда она пришла вчера вечером, то просила любое платье или именно то, которое уже один раз брала?

— То, которое уже брала.

— Как вам кажется: если бы его не было, взяла бы она другое?

— Не знаю. Просила именно это.

— Благодарю вас.

— Не за что.

Они вернулись к машине. Рабыня закрыла за ними дверь. Лоньон по-прежнему молчал. Наверное, ждал вопросов.

— Сидела?

— Три или четыре раза.

— Скупка краденого?

— Да.

— Когда была последняя судимость?

— Года четыре или пять назад. Сначала она была танцовщицей, затем совладелицей публичного дома, когда такие заведения еще существовали.

— У нее всегда живет такая невольница?

Шофер ждал указаний.

— Лоньон, вы вернетесь к себе?

— Если у месье Мегрэ нет срочного задания.

— Площадь Константэн-Пэкёр, — распорядился Мегрэ.

— Я могу пойти пешком! Черт бы его побрал с этой его ненавязчивой покорностью!

— Вы знаете эту Вивьен?

— Ее — нет. Они часто меняются.

— Что, выгоняет?

— Нет, сами уходят. Она принимает их, когда им уже так плохо, что некуда деться.

— Зачем она это делает?

— Может быть, просто для того, чтобы не спали на улице...

Лоньон, казалось, говорил: «Знаю, что вы в это не верите и подозреваете Бог знает какие отвратительные штуки. Неужели вы не можете понять, что даже такая женщина может иметь доброе сердце и ей не чуждо милосердие. Я тоже... А все воображают, что я...»

Мегрэ вздохнул.

— Лучше всего было бы, чтобы вы выспались. Скорее всего вы мне понадобится этой ночью. А что вы вообще думаете об этой истории?

Вместо ответа Лоньон пожал плечами. «Зачем притворяться, что я что-то думаю, если и так — он не сомневался в этом ни на минуту — все меня держат за идиота».

Это было несправедливо. Лоньон не только отличался интеллигентностью, но и был одним из самых добросовестных сотрудников парижской полиции. Слишком занудным, правда.

Машина остановилась на небольшой площади перед обычным доходным домом.

— Месье будет звонить мне в комиссариат?

— Нет, домой. Так будет лучше.

Через полчаса Мегрэ был уже на набережной Орфевр и, держа сверток под мышкой, вошел в комнату инспекторов.

— Есть что-нибудь для меня, Люка?

— Нет, патрон.

Он разочарованно нахмурился. После выхода утренних газет с фотографией неизвестной прошло уже несколько часов.

— Никто не звонил?

— Если ты надолго, надень теплое пальто. После захода солнца становится холодно.

На столе не было ни одного донесения. Мегрэ вызвал Люка.

— Опять ничего? Никаких звонков?

— Нет, патрон. Вот, принес вам дело Элизабет Кумар. Мегрэ стоя пролистал его, не найдя там ничего, что бы он уже не знал от Лоньона.

— Лапуэнт разослал фотографии в газеты.

— Он здесь?

— Ждет вас.

— Позови.

Фотографии были просто шедеврами монтажа. Глядя на них, Мегрэ испытал что-то похожее на шок. Он видел девушку дважды: первый раз — в свете фонарей на мокрой от дождя площади Вэнтимиль, второй — на мраморном столе в институте у доктора Поля. Сейчас он видел ее такой, какой она была вчера, когда вечером зашла к мадемуазель Ирэн.

На Лапуэнта фотографии тоже произвели впечатление.

— Что вы об этом скажете, патрон? — спросил он неверным голосом. И, помолчав, добавил:

— Красивая, правда?

Лапуэнт неточно выразился. Девушку нельзя было назвать красивой. Это было нечто большее, что нелегко поддается точному определению. Фотографу удалось вдохнуть жизнь в ее глаза, которые будто задавали вопрос. И никто не мог на него ответить.

На двух фотографиях она была в своем черном платье, на третьей — в плаще, еще на одной — в вечернем туалете. Можно было представить ее на улицах Парижа, среди толпы таких же девушек. Вот она идет по улице, останавливается около витрин, а потом спешит дальше, один Бог знает куда.

У нее были отец, мать. Позднее, в школе — подружки и приятели. Потом самые разные люди окружали ее, звали по имени. А теперь, когда ее нет в живых, оказалось, что все о ней забыли, как будто она никогда и не жила на свете.

— Было очень трудно?

— Что?!

— Найти похожую.

— Нет, только немного неловко. Меня окружила дюжина девиц, и когда я показал им платье, каждая захотела его примерить.

— При тебе?

— Они к этому привыкли.

Доблестный Лапуэнт после двух лет работы в полиции еще не научился краснеть!

— Пошли фотографии во все провинции.

— Я позволил себе сделать это, не дожидаясь вашего распоряжения.

— Прекрасно. А во все комиссариаты здесь, в Париже?

— Полчаса назад.

— Соедини меня с Лоньоном.

— Звонить в округ?

— Нет, домой.

Через минуту в трубке раздался голос:

— Инспектор Лоньон слушает.

— Это Мегрэ.

— Я понял.

— Я распорядился послать фотографии в ваш комиссариат. А через час или два они

будут в газетах.

— Патрон хочет, чтобы я повторил свой обход?

Мегрэ был бы изрядно растерян, если бы его попросили объяснить, почему он не верит, что этот обход может дать какой-то результат. Ведь визит к мадемуазель Ирэн, происхождение голубого платья, час, в который нашли тело, — все говорило о какой-то связи происшедшего с районом ночных увеселительных заведений.

Что другое, как не намерение пойти туда, куда принято ходить только в вечернем туалете, могло заставить незнакомку бегать в девять вечера по Парижу в поисках платья? Спектакли в театрах уже давно начались. К тому же во все театры, за исключением Оперы и премьер, можно было бы пойти и в обычной одежде!

— На всякий случай попробуйте. Прошу вас обратить особое внимание на ночные такси.

Мегрэ положил трубку. Лапуэнт застыл на месте, ожидая указаний, но комиссар не имел никакого представления о том, что делать дальше. Опять же на всякий случай он позвонил на улицу Дуэ.

— Мадемуазель Ирэн?

— Да, я.

— Вы не нашли адрес?

— А, это месье комиссар... Нет! Искала везде. Я могла и выбросить этот листок или записала на нем размеры какой-нибудь клиентки. Но зато я вспомнила, как ее звали. Абсолютно уверена, что Луиза. Фамилия начинается тоже на Л, как там... Вроде Ла Монтань или Ла Брюйер... Может быть, и не так, но очень похоже.

— Мадам не заметила, был ли среди мелочей, которые она перекладывала из своей сумочки в ту, серебряную, какой-нибудь документ?

— Нет.

— А какие-нибудь ключи?

— Минуточку. Сдается мне, что ключ я видела. Это была не связка, а один маленький медный ключик. Мегрэ услышал, как она позвала:

— Вивьен, иди сюда!

Что она говорила своей невольнице (или подопечной, бог ее знает), он не слышал.

— Вивьен тоже кажется, что она видела ключ.

— Плоский ключик?

— Да, месье знает, сейчас почти все такие.

— Денег у нее не было?

— Несколько свернутых купюр. Немного, может, две или три. По сто франков. Я еще подумала, что с такими-то деньжищами не разгуляешься.

— И ничего больше?

— Нет, это все.

В дверь постучали. Это был Жанвье. Увидев лежащие на столе снимки, он вздрогнул так же, как и Мегрэ.

— Вы нашли ее фотографию? — удивился он. Потом поднес снимки ближе к глазам. — Это ребята сверху смастерили? — и шепнул:

— Интересная девушка.

И все равно они не знали о ней ничего, помимо того, что ее никто не узнал, кроме хозяйки пыльного магазинчика.

— Что будем делать?

Мегрэ мог только пожать плечами и ответить:

— Ждать!

Глава третья,

о служанке, которая не умеет разговаривать по телефону, и о великосветской даме с улицы Клиши

Хмурый и разочарованный, Мегрэ сидел в конторе до самого вечера. В семь он сел в автобус, который привез его домой, на бульвар Ришар-Ленуар. На круглом столике лежала газета, открытая на полосе с фотографией незнакомки. В заметке не преминули сообщить, что делом занимается комиссар Мегрэ.

Жена его ни о чем не спрашивала, и не пробовала занимать его разговорами. Когда они заканчивали обедать и уже приступили к десерту, мельком взглянув на жену, комиссар с удивлением заметил, что она тоже неспокойна. Но ему и в голову не пришло, что забота у них общая. Потом он сел в кресло, зажег трубку и начал просматривать газету. Мадам Мегрэ убирала со стола и мыла посуду. Только когда она села напротив мужа с корзинкой, полной носков и чулок для штопки, он взглянул на нее украдкой пару раз и равнодушно, как бы не придавая этому никакого значения, сказал вполголоса:

— Не скажешь ли ты мне, в каких случаях молодая девушка может ощущать жгучую потребность в вечернем платье?

Он не знал, о чем жена все время думает, но, услышав легкий вздох облегчения, мог бы поклясться, что она ждала именно этого вопроса.

— Над чем тут задумываться? — сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Например, мужчине не пришло бы в голову надеть смокинг или фрак без определенной цели. С девушками по-другому. Когда мне было тринадцать лет, я проводила целые часы, подгоняя для себя украдкой старое вечернее платье, которое мать уже выбросила.

Он с интересом посмотрел на жену, как будто неожиданно открыл неизвестную черту в характере своей спутницы

— Временами, по вечерам, когда все думали, что я сплю, вставала, надевала его и любовалась собой перед зеркалом. А один раз, когда родители ушли, я надела это платье и мамины туфли и дошла аж до угла.

Мегрэ молчал, не замечая, что жена порозовела от нахлынувших воспоминаний.

— Тебе было тринадцать, — произнес он вскоре.

— Одна из моих теток, тетка Сесиль, — ты не знал ее, но я часто тебе о ней рассказывала, — та, которая несколько лет была очень богата, пока ее муж не растратил все ее состояние, часто закрывалась в своей комнате, часами причесывалась, наряжалась, будто собиралась идти в Оперу. А на стук отвечала, что у нее мигрень. Однажды я заглянула в замочную скважину и узнала всю правду: она с улыбкой смотрела в зеркало на дверце шкафа и обмахивалась веером

— Это было давно...

— А ты думаешь, что женщины изменились?

— Нужно иметь какую-то очень важную причину, чтобы, имея двести или триста франков за душой, лететь в десять вечера к «Мадемуазель Ирэн», требовать вечернее платье, сразу же в него переодеться и выходить под дождь.

— Вовсе необязательно, чтобы это была причина, которую мужчина посчитал бы серьезной.

Мегрэ понял, что имела в виду жена, но это показалось ему неубедительным.

— Хочешь спать? Он кивнул головой. Утро было ветреное, по небу мчались тучи, и мадам Мегрэ велела мужу взять зонт. На службе он чуть было не прозевал телефонный звонок. Уже собирался с докладом к шефу, когда зазвонил телефон Одним прыжком он

вернулся от двери.

— Алло. Комиссар Мегрэ

— Кто-то, не называя своего имени, срочно хочет поговорить с месье, — услышал он голос телефониста с центральной.

— Соединяйте.

Из трубки донесся такой крик, что, казалось, было видно невооруженным глазом, как дрожит мембрана. Эта особа явно не привыкла к телефонным разговорам.

— Это комиссар Мегрэ?

— Да, это я. Кто говорит?

Тишина.

— Алло! Слушаю!

— Могу сообщить месье кое-что о той девушке, которую убили.

— На площади Вэнтимиль?

Снова тишина. Мегрэ подумал, не ребенок ли это.

— Говорите, пожалуйста. Вы ее знали?

— Да. Знаю, где она жила.

Он был уверен, что длинные паузы между репликами его собеседница делала не от нерешительности, а от того, что она... говорила по телефону. Вместо того, чтобы разговаривать обычным голосом, кричала и прижимала при этом губы к трубке. Где-то далеко играло радио. Слышался плач младенца.

— И где же?

— Улица Клиши, 113 бис.

— Кто вы?

— Прикажете допросить старуху с третьего этажа, ее зовут мадам Кремье...

Послышался другой голос, который звал:

— Роза, Роза! Что ты там...

Потом трубку повесили.

У шефа Мегрэ провел несколько минут, а когда явился Жанвье, взял его с собой.

Весь вчерашний день инспектор убил, безрезультатно мотаясь по городу. Лоньон, который занимался ночными заведениями и таксистами, не подавал признаков жизни.

— Она производит впечатление молоденькой служанки, которая только недавно приехала из деревни, — рассказал Мегрэ помощнику о звонившей по телефону. — У нее своеобразный акцент, только не могу сообразить, какой.

Дом И3бис на улице Клиши оказался обычным доходным домом, каких было много в этом районе. Сначала они зашли к консьержке, женщине лет сорока, которая встретила их не очень учтиво.

— Уголовная полиция, — сказал Мегрэ, показывая свой жетон.

— Что господам угодно?

— Живет ли здесь некая мадам Кремье?

— Третий этаж налево.

— Она дома?

— Если не вышла что-нибудь купить, я не видела.

— Она живет одна?

Казалось, что у консьержки не совсем чиста совесть.

— Одна и не одна.

— Что вы хотите этим сказать?

— Время от времени у нее кто-нибудь гостит.

— Родственники?

— Нет. Иначе зачем она стала бы делать из этого некую тайну? Пусть сама выпутывается. Живут у нее иногда квартирантки.

— Временные?

— Она хотела бы, наверное, иметь постоянных, но при ее характере... Каждая, верно, только и думает, как бы сбежать. Та, последняя, была пятая или шестая.

— Почему вы не сообщили об этом?

— Да потому, что она, когда первый раз взяла к себе какую-то продавщицу из картинной галереи, просила, чтобы я говорила, что это ее племянница.

— Она дала вам что-нибудь за это?

Консьержка пожала плечами.

— Во-первых, домовладелица не разрешает жильцам сдавать комнаты. Во-вторых, если уж сдавать, то нужно обратиться в полицию, заполнить бумаги... А она не хочет указывать это в декларации о доходах.

— И поэтому вы нам не сообщали?

Поняла, наконец, на что они намекают: вчерашняя газета лежала на стуле, раскрытая на странице с фотографией девушки.

— Вы ее знали?

— Это последняя.

— Последняя?

— Последняя квартирантка. Племянница, как бы сказала старуха.

— И когда вы видели ее в последний раз?

— Не помню. Не обратила внимания.

— Вы знаете, как ее звали?

— Мадам Кремье звала ее Луизой. А поскольку все время, пока она тут жила, никакая корреспонденция ей не приходила, я не знаю ее фамилии. Я вам сказала, что не обязана была знать, что это квартирантка. Люди имеют право принимать у себя родственников. А теперь из-за этого я могу потерять место. Наверное, об этом будет в газетах?

— Выть может. Что это была за девушка?

— Она-то? Бесцветное создание. Иногда, когда она проходила мимо моего окошечка, ей ударяло в голову, что она должна кивнуть, но ни разу нормально не поздоровалась.

— Долго она тут жила?

Жанвье все записывал. Это произвело впечатление на консьержку, и она думала над каждым словом.

— Если мне не изменяет память, явилась перед Новым годом.

— У нее был багаж?

— Только голубой чемоданчик.

— Откуда она знала мадам Кремье?

— Я должна была предусмотреть, что это плохо кончится. В первый раз дала себе так заморочить голову, но клянусь месье, что это никогда не повторится. Мадам Кремье жила тут еще до смерти мужа, вице-директора банка. Они уже жили здесь, когда я начала работать.

— Когда он умер?

— Лет пять или шесть назад. Детей у них нет. Она начала жаловаться, как ужасно жить одной в большом городе. Потом, уже позднее, начала разговоры о деньгах, о своей пенсии, которая не менялась, а жизнь все дорожала...

— Она богата?

— Еще как! Недавно призналась мне, что у нее два дома где-то в двадцатом округе. Когда первый раз сдала комнату, старалась меня убедить, что это ее родственница из провинции, но я подозревала неправду и зашла к ней. Тогда она пообещала мне четвертую часть квартплаты а я была настолько глупа, что согласилась. Это правда — ее квартира слишком просторна для одного человека.

— Она давала объявления в газеты?

— Да. Без адреса. Только номер телефона.

— Чем занимались ее квартирантки?

— Трудно сказать. Почти всегда это были девушки, которые где-то работали. Они были довольны, что имеют комнату, большую, чем в отеле, за ту же самую цену или даже дешевле. Только раз ей попалась девица, которая выглядела так же, как другие, а по ночам впускала мужчин. Но это продолжалось всего два дня.

— Вы ничего не рассказали о последней квартирантке.

— Что хочет знать месье?

— Все.

Консьержка непроизвольно посмотрела на фотографию в газете.

— Я уже сказала, месье: я видела ее только, когда она проходила мимо. Выходила утром в девять или в полдесятого.

— Вы не знаете, где она работала?

— Нет.

— Не приходила на обед?

— Мадам Кремье не позволяет готовить в комнате.

— А когда возвращалась?

— Вечером. Иногда в семь, иногда около десяти или одиннадцати.

— Она часто выходила развлечься? Бывали ли у нее какие-нибудь знакомые?

— Никто никогда не спрашивал.

— Видели ли вы ее когда-нибудь в вечернем платье?

Консьержка покачала головой.

— Месье не понимает? Это была девушка, каких много. Я никогда не обращала на нее внимания. А кроме того, догадывалась, что долго она здесь жить не будет.

— Почему?

— Уж догадывалась. Старуха охотно сдает комнату, но не хочет, чтобы ей что-то мешало. Она привыкла ложиться спать в пол-одиннадцатого, и если случалось, что жиличка возвращалась позднее, ее ждал скандал. По правде говоря, ей нужна не столько квартирантка, сколько компаньонка, чтобы играть с ней в карты.

Консьержка не могла понять, почему Мегрэ улыбается. А он вспомнил хозяйку магазинчика с улицы Дуэ. Та тоже принимала девушек, сбившихся с пути. Может, делала это от доброго сердца, может, защищала себя от одиночества, но поскольку они были ей всем обязаны, то становились чем-то вроде рабынь.

Мадам Кремье брала жильцов. В сущности, это та же история. Сколько же их было в Париже — стареющих женщин или старых дев, которые хотели, чтобы рядом было молодое и спокойное существо!

— Я могла бы вернуть ей те деньги, которые с этого имела, и избежать наказания?

— Значит, вы не знаете, кем она была, откуда взялась, чем занималась и с кем встречалась?

— Нет.

— Она вам не нравилась?

— Я не люблю людей, которые нисколько не богаче, чем я, а изображают из себя бог знает каких важных.

— Вы думаете, она была бедной?

— Я видела ее всегда в одном и том же платье и пальто.

— В доме есть служанки?

— Для чего месье спрашивает? Три. Одна на втором этаже, потом та, с третьего, квартира направо, еще...

— Среди них есть совсем молоденькая, только что приехавшая из деревни?

— Месье имеет в виду Розу?

— Это которая?

— С третьего. В семье Лаше было двое детей. Два месяца назад мадам Лаше родила третьего и в помощь взяла девушку из Нормандии.

— У них есть телефон?

— Да. У месье Лаше хорошая должность где-то в страховой компании. Недавно купили автомобиль.

— Спасибо, мадам.

— Если можно, чтобы хозяйка дома не узнала...

— Еще одно. Когда вчера вы увидели в газете фотографию, вы ее узнали?

Она заколебалась на минутку и солгала:

— Не была уверена. Поверьте, это первая фотография в газете...

— К вам приходила мадам Кремье?

Консьержка покраснела:

— Зашла, возвращаясь с покупками. Сказала мне так: «Полицейским платят достаточно хорошо, чтобы люди не пытались им помогать!» Я поняла. А как увидела те, другие, фотографии, подумала, что до вас не дозвониться, и, по правде говоря, как хорошо, что господа пришли, будто тяжкий камень упал с моего сердца!

В доме был лифт. Мегрэ и Жанвье поднялись на третий этаж. Из-за двери справа доносились детские голоса, а потом голос, который Мегрэ узнал, произнес:

— Жанно! Жанно! Оставь в покое сестренку! Комиссар позвонил в дверь налево. Послышались легкие, еле слышные шаги. Кто-то из-за двери спросил:

— Кто там?

— Мадам Кремье?

— Что вам угодно?

— Полиция.

За дверью воцарилась тишина, потом комиссар услышал шепот:

— Минуточку...

Снова шаги. Наверное, пошла переодеваться. Когда возвращалась, звук шагов был иным. Видно, сменила шлепанцы на туфли. Дверь она отворила неохотно, поглядывая на пришедших маленькими проницательными глазками.

— Проходите, господа. Я еще не закончила уборку.

Несмотря на это, она была в черном, достаточно элегантном платье, старательно причесана. Ей было шестьдесят пять или семьдесят, это была маленькая, худая, удивительно живая и бодрая женщина.

— У месье есть удостоверение?

Мегрэ показал ей свой жетон, который она тревожно осмотрела.

— Это вы — комиссар Мегрэ?

Мадам Кремье проводила их в комнату, достаточно большую, но до того заставленную мебелью и безделушками, что в ней едва можно было передвигаться.

— Садитесь, пожалуйста. Чем обязана?

Она с достоинством уселась, но не могла сдержать волнения и крепко стискивала пальцы.

— Мы пришли по поводу вашей квартирантки

— Но у меня нет никакой квартирантки.

— Извините, мы знаем все.

Она не спешила закончить фразу и внимательно посмотрела на комиссара.

— Все о чем?

— Обо всем. Мы не из министерства финансов, и то, что мадам пишет в декларации о доходах, к нам не относится.

В комнате не было ни одной газеты. Мегрэ вынул из кармана фотографию незнакомки.

— Мадам ее знает?

— Она жила со мной несколько дней.
— Дней?
— Скажем, недель.
— Скажем, два с половиной месяца. Не так ли?
— Возможно. Жить мне осталось недолго. Не знаю, почему дни проходят так быстро!
— Как ее звали?
— Луиза Лабуан.
— Так было написано в удостоверении личности?
— Я его в глаза не видела. Она мне так сказала, когда пришла.
— А вы не знаете, это ее настоящее имя?
— У меня не было повода что-то подозревать.
— Она пришла по вашему объявлению?
— Вам консьержка сказала?
— Это неважно, мадам. Давайте не будем тратить время. И прошу запомнить, что вопросы задаю я.
— Хорошо, — ответила она с достоинством. — Слушаю вас.
— Луиза Лабуан пришла по вашему объявлению?
— Сначала она позвонила, чтобы узнать о цене, спрашивала, не могла бы я уступить. Я ответила: «Приходите, тогда и поговорим».
— Вы согласились на меньшую цену?
— Да.
— Почему?
— Потому что я всегда на этом попадаюсь.
— На чем?
— Они всегда сначала выглядят очень порядочными, послушными и предупредительно вежливыми. Я спросила, часто ли она выходит по вечерам. Она ответила, что нет.
— Мадам знает, где она работала?
— Кажется, в конторе, только не знаю в какой. Я лишь через несколько дней поняла, что это за зелье!
— Зелье?
— Ужасно скрытная, из тех, кто будто поклялся не открывать рта.
— Вы ничего о ней не знаете? Она что, вообще с вами не разговаривала?
— Почти. Вела себя так, будто жила в отеле. Утром одевалась и уходила, довольствуясь мимолетным «Здравствуйте», когда меня видела.
— Выходила всегда в одно время?
— О да. Но тут было чему удивляться. Первые два или три дня она уходила в полдевятого. Значит, работает с девяти, подумала я. Через несколько дней начала уходить в десятом часу. Тогда я спросила, не сменила ли она работу.
— И что она вам ответила?
— Ничего. Это было в ее стиле. Когда не хотела отвечать, притворялась, что не слышит. А по вечерам старалась меня избегать.
— Но чтобы дойти до своей комнаты, она должна была пройти через гостиную?
— Да. Я чаще всего здесь сижу. Предлагала ей, чтобы взяла себе стульчик и выпила со мной кофе или отвара из трав. Один раз она снизошла до меня, и помню, что за час сказала фраз пять.
— О чем вы разговаривали?
— Обо всем. Я пыталась что-нибудь узнать.
— О чем?
— Кем была, откуда родом, из какой семьи?
— И ничего из нее не вытянули?

— Поняла только, что она неплохо знала юг. Я рассказала о Ницце, где каждый год мы с мужем проводили две недели, и почувствовала, что она тоже там бывала. А когда я спросила о родных, она сделала отсутствующее лицо. Если бы месье видел это лицо, тоже потерял терпение.

— Где она ела?

— Обычно в городе. Я не позволяю готовить в комнате, а то не миновать пожара. С этими их примусами никогда не известно, что может случиться, не говоря о том, что у меня есть вещи особой ценности, они достались мне в наследство. Она прибегала к различным уловкам: я находила у нее в комнате крошки хлеба, а один раз она пыталась сжечь какую-то жирную бумагу. Наверное, из-под ветчины.

— По вечерам она бывала одна?

— Чаще всего. Выходила из дома два, три раза в неделю.

— Переодевалась перед выходом?

— Во что она могла переодеваться, если у нее было одно платье и одно пальто на все случаи жизни. А в прошлом месяце случилось то, что я предвидела.

— А что мадам предвидела?

— Что в один прекрасный день ей нечем будет платить за комнату.

— Не заплатила вообще?

— Дала мне сто франков аванса, пообещала остальное в конце недели. А в конце недели начала меня избегать. Я загородила ей дорогу. Тогда она сказала, что через день-другой у нее будут деньги. Пусть месье не думает, что я скупая и только и делаю, что считаю деньги. Конечно, мне они нужны, как и любому человеку. И если бы она вела себя, как все нормальные люди, я была бы терпеливее.

— Вы ей все это сказали?

— Три дня назад, за день до исчезновения. Попросту поставила ее в известность, что жду приезда родственницы из провинции и мне будет нужна комната.

— Как она отреагировала?

— Сказала только: «Хорошо.»

— Мадам не может показать нам квартиру? Старая дама встала.

— Прошу сюда. Вы увидите, что нигде в другом месте она не нашла бы такой комнаты.

В самом деле, комната была просторная, с большими окнами, обставленная, как и гостиная, в стиле XIX века. Солидная кровать красного дерева, между окнами бюро в стиле ампир, которое, наверное, принадлежало покойному месье Кремье, а тут стояло только потому, что в других комнатах уже не было места. На обоих окнах висели тяжелые бархатные портьеры, на стенах — старинные фотографии в черных и позолоченных рамках.

— Единственное неудобство — это общая ванная. Но я всегда пускала ее первой и никогда не входила без стука.

— Надеюсь, что со времени ее исчезновения мадам ничего отсюда не убирала?

— Конечно, нет.

— Когда вы поняли, что она не вернется, то посмотрели ее вещи?

— Здесь нечего смотреть. Я только зашла убедиться, что она ничего не взяла с собой.

— И как?

— Ничего. Месье может убедиться.

На комод лежали гребень, щетка для волос, дешевый маникюрный набор и коробочка пудры. Сбоку два пузырька: в одном был аспирин в другом — снотворное.

Мегрэ выдвинул ящики: там лежала тощая стопочка белья и завернутый в кусок искусственного шелка утюг.

— Я же ей говорила! — закричала вдруг мадам Кремье.

— О чем?

— Я предупреждала, что не позволю никаких постирушек и утюжек. И пожалуйста, вот

что она делала, когда по вечерам часами сидела в ванной. Наверное, для этого и закрывалась в комнате на ключ.

В следующем ящике лежала обычная почтовая бумага, конверты, несколько карандашей и ручка. В шкафу висел хлопчатобумажный халат, а внизу стоял голубой фибровый чемоданчик, закрытый на ключ. Мегрэ открыл его перочинным ножом. Мадам Кремье подошла ближе. Чемодан был пуст.

— Никто никогда ее не спрашивал?

— Нет.

— А у вас не было ощущения, что в ваше отсутствие кто-то проник в квартиру?

— Я заметила бы это. Прекрасно помню, где что лежит.

— Ей звонили?

— Только один раз.

— Когда это было?

— Две недели тому назад. Нет. Больше. Кажется, месяц. Однажды вечером, когда она сидела в своей комнате.

— Мужчина?

— Женщина!

— Вы хорошо помните, что эта женщина сказала?

— Сказала так: «Мадемуазель Лабуан дома?» Я ответила, что дома. Постучала в ее комнату: «Мадемуазель Луиза, к телефону». Она удивилась: «Меня?». «Да, вас». «Иду». Мне показалось, что она плакала.

— После разговора или до того?

— Вышла из комнаты заплаканная.

— Была одета?

— Нет. В халате и без чулок.

— Вы слышали, что она говорила?

— Почти нет. Только: «Да, да, хорошо... да... может быть...». В конце сказала: «Скоро увидимся».

— И ушла?

— Да, минут через десять.

— А когда вернулась?

— Вообще не пришла ночевать. Явилась только в шесть утра, я ждала ее, чтобы отказать от квартиры. Но она сказала, что должна была провести ночь у больной кузины. Я ей поверила: она не выглядела, как будто вернулась после кутежа. Сразу легла в постель и два дня вообще не выходила из комнаты. Я занесла ей еду и купила аспирин. Она сказала, что у нее грипп.

Мадам Кремье не могла знать, что каждое ее слово рождало определенный образ в воображении Мегрэ. А ведь он как-будто едва слушал ее. Постепенно он представлял себе жизнь двух женщин в этой темной, заставленной мебелью квартире. С одной все было просто: она была перед ним. Труднее было представить себе девушку, ее образ жизни, голос, жесты, а прежде всего то, о чем она думала.

Теперь он знал, как ее звали, если только это было ее настоящее имя. Видел, где последние два месяца она спала и где проводила вечера. Знал он также, что два раза в течение этого времени она приходила на улицу Дуэ, чтобы получить вечернее платье. Первый раз заплатила. Второй раз имела при себе только двести или триста франков, чего едва могло хватить на такси или легкий ужин.

Неужели она в первый раз назвала мадемуазель Ирэн этот номер телефона? Это было маловероятно. Тем более, что впервые она пришла в магазин, когда было еще не поздно, а звонок был вечером...

После этого она вернулась на улицу Клиши в шесть утра, одетая в обычное свое платье

и пальто. Она не могла вернуть в такую рань голубое платье мадемуазель Ирэн, для этого пришлось бы будить ее. Тогда, два месяца назад, перед Новым годом, Луиза не дошла еще до полной нищеты, раз могла снять комнату. Но жила бедно, так как торговалась о цене. По утрам выходила очень рано, сначала около полдевятого, затем в четверть десятого.

Что она делала целыми днями? А вечерами, когда проводила их вне дома?

Ничего не читала. В комнате не было ни книг, ни хотя бы одного иллюстрированного журнала. Если и шила, то только тогда, когда должна была починить себе что-то из одежды и белья. В одном из ящиков комода лежали три катушки ниток, наперсток, ножницы, бежевый шелк для чулок и несколько иголок в маленькой коробочке.

При всем при этом, как сказал доктор Поль, ей было около двадцати лет.

— Последний раз сдала комнату, клянусь вам!

— Убирала в комнате она, конечно, сама?

— Неужели месье думает, что я была у нее служанкой? Одна из моих квартиранток пыталась так повернуть дело, но, уж поверьте мне, быстро отступилась.

— Как она проводила воскресенья?

— По утрам долго спала. Уже в первую неделю я поняла, что она не ходит в церковь. Я спросила, католичка ли она. Ответила, что да. Понимаете, месье, ответила, чтобы отвязаться. Иногда она выходила из дома в час или в два. Думаю, что ходила в кино. Один раз я нашла у нее в комнате билет.

— Может быть, помните, в какой кинотеатр?

— Не обратила внимания. Билет был розовый.

— Только один билет?

Неожиданно Мегрэ посмотрел на нее пристально, будто хотел уличить во лжи:

— Что было в ее сумочке?

— Неужели вы думаете?

— Прошу отвечать. Наверное, вам случалось заглянуть, когда Луиза ее оставляла.

— Она редко ее оставляла.

— Вам должно было бы хватить и одного раза. Вы не видели ее удостоверения?

— Нет.

— Не было?

— В сумке — нет. Я ни разу его там не видела. Только неделю назад мне подвернулся случай в нее заглянуть, и то потому что я начала что-то подозревать.

— Что именно?

— Если бы она где-то постоянно работала, ей бы хватало денег платить за квартиру. К тому же я первый раз видела, чтобы девушка в ее возрасте имела только одно платье. Но ни за что на свете из нее невозможно было вытянуть, кто она на самом деле, откуда приехала и где ее родственники.

— И что вам пришло в голову? — Что, может быть, убежала из дома. Или...

— Или что?

— Не знаю. Понимаете, месье, я не могла ее разгадать. С другими сразу понятно, как себя вести. С ней — нет. Никакого акцента. Не выглядела сельской девушкой. Производила впечатление образованной. Если бы не привычка оставлять вопросы без ответов и постоянно избегать меня, можно было бы предположить, что она достаточно хорошо воспитана.

— Что было в ее сумке?

— Губная помада, пудреница, носовой платок, ключи.

— Какие ключи?

— Ключ от комнаты, который я ей дала, и от своего чемодана. Также там был истрепанный бумажник и какая-то фотография.

— Мужчины или женщины?

— Мужчины. Но ничего такого, о чем подумал месье. Это была фотография, наверное,

пятнадцатилетней давности, пожелтевшая, сломанная. Мужчина лет сорока.

— Мадам может его описать?

— Очень солидный, элегантный. Запомнилось, что он был в светлом костюме, кажется, в полотняном. Я такие часто видела в Ницце. Подумала сразу о Ницце, так как сзади было видно пальму.

— Вы заметили какое-нибудь сходство?

— С ней? Нет. Я тоже об этом подумала. Если это и ее отец, она на него совсем не похожа.

— Если бы вы его встретили, узнали бы?

— Если он не очень изменился...

— Вы говорили с ней об этом?

— Признаться, что видела фотографию? Что открывала ее сумку? Разговаривали только о Ницце, о юге...

— Будь любезен, забери это, Жанвье, — сказал Мегрэ, указывая на содержимое ящиков, халат и чемодан. Все уместилось в чемодане, и поскольку замок был сломан, пришлось попросить у хозяйки веревку.

— Вы думаете, у меня будут проблемы?

— С нами — нет.

— А с этими — сборщиками налога?

Мегрэ пожал плечами и буркнул:

— Нам до этого нет дела.

Глава четвертая,

в которой рассказывается о девушке на скамейке и о невесте в ночном ресторане

Через полуоткрытую дверь, которую старая дама умышленно не закрыла, она увидела, что полицейские пошли не к лифту или к лестнице, а напрямик к квартире напротив. Когда они вышли оттуда, уже на ступеньках, Мегрэ, видя, как закрывается дверь, бросил:

— Завидует!

Когда-то на процессе одного молодого человека, которого он сам поставил перед судом присяжных, какой-то тип, сидевший рядом с Мегрэ, шепнул ему:

— Интересно, о чем он думает?

Мегрэ сразу ответил:

— Что о нем напишут в сегодняшних газетах!

Комиссар знал, что все преступники, по крайней мере до момента вынесения приговора, относительно мало озабочены совершенным преступлением, вообще не думают о своих жертвах, а занимает их прежде всего, какое впечатление они производят на публику. Они чувствуют себя звездами. Их окружают журналисты и фоторепортеры. Люди часто встают в очередь, чтобы только увидеть их. Можно ли после этого удивляться, что в них так много лицемерия?

Вдова Кремье не была в восторге от визита полиции в ее дом. Кроме того, у Мегрэ была специфическая манера задавать вопросы, которая не давала возможности отвечать так, как бы хотелось. Это и заставило мадам Кремье признаться в некоторых не очень приятных для нее вещах.

Но все-таки наибольшее впечатление на нее произвело то, что каждое ее слово записывалось, в специальную тетрадку.

И тем не менее в следующую минуту комиссар звонил в квартиру напротив и собирался оказать такую же честь какой-то невоспитанной домработнице.

— Может, выпьем по стаканчику?

Был уже двенадцатый час. Мегрэ и Жанвье зашли в бар на углу и молча выпили по аперитиву, как-бы переводя дух после всего, что только что услышали.

Луиза Лабуан напоминала негатив, который положили в проявитель. Два дня назад она не существовала для них вообще. Потом была голубым силуэтом на мокром асфальте площади Вэнтимиль, белым контуром на мраморном столе в Институте судебной экспертизы. Сейчас у нее были имя и фамилия. Образ начал приобретать отчетливость, но все еще оставался схематичным.

Хозяйка Розы тоже была удивлена, что Мегрэ пришел не к ней.

— Не могла бы мадам заняться детьми, пока я задам несколько вопросов вашей служанке?

Розе не было еще и шестнадцати.

— Это ты звонила мне сегодня утром?

— Да, месье.

— Ты знала Луизу Лабуан?

— Не знаю, как ее звали.

— Вы встречались на лестнице?

— Да, месье.

— Она разговаривала с тобой?

— Никогда не разговаривала, только улыбалась мне. Она всегда была грустная. Как артистка кино.

— Ты никогда не встречала ее где-то в других местах, кроме лестницы?

— Несколько раз.

— Где?

— На скамейке в сквере около церкви Святой Троицы. Я туда хожу с детьми почти каждый день после полудня.

— Что она там делала?

— Ничего.

— Может, ждала кого?

— Никогда не видела ее с кем-то.

— Читала что-нибудь?

— Нет. Один раз ела бутерброд. Месье, скажите, она знала, что умрет?

Это все, что удалось узнать у Розы. Из этого следовало, что с некоторых пор девушка была без работы. Ничего не делала. Шла улицей Клиши и, не выходя из своего квартала, сидела перед собором Святой Троицы.

Мегрэ пришло в голову спросить:

— Ты никогда не видела, чтобы она входила в церковь?

— Нет, месье.

Комиссар заплатил, вытер губы, и они сели в маленький автомобиль. На набережной Орфевр Мегрэ сразу увидел стоящую в коридоре серую фигуру и узнал Лоньона, нос которого был краснее, чем обычно.

— Вы меня ждете?

— Уже час.

— У вас такой вид, будто вы вообще не спите.

— Это не имеет значения.

— Прошу ко мне.

Каждый, кто видел Лоньона в коридоре Уголовной полиции, был уверен что это не полицейский, а подозреваемый или свидетель, который ждет допроса, такой уж у него был хмурый вид. Лоньон простудился, кашлял и то и дело вынимал из кармана носовой платок. Он не жаловался, хотя имел облик человека, который терпел всю жизнь и будет мучаться до конца дней своих.

Мегрэ уселся поудобней и начал набивать трубку, а его гость, примостившись на краешке стула, не смел начать первым.

— У вас есть новости?

— Я пришел с докладом, патрон.

— Слушаю, старина.

Сердечный тон не произвел на Растяпу никакого впечатления. Более того, он усмотрел в этом Бог знает какую иронию.

— Вчера вечером я повторил свой обход. До трех часов ночи, а точнее, до четырех минут четвертого, не было никаких результатов. Не переставая говорить, он достал из кармана кусочек бумаги.

— И наконец, в четыре минуты четвертого напротив ночного ресторана «Бубенчик» я остановил таксиста. Леон Зиркт, 53 года, живет в Ле-валуа-Перэ.

Эти подробности были, конечно, совершенно лишними. Инспектор записывал абсолютно все, будто не имел права определять, что важно, а что нет. Монотонным голосом он тянул дальше, не глядя на комиссара, который не мог согнать с лица улыбку.

— Я показал ему снимок, а точнее, снимки. Он узнал ее там, где она в вечернем платье.

Растяпа прервался на минутку, как актер, подавший реплику и ждущий ответа от партнера. Он не подозревал, что Мегрэ уже знает, кем была убитая.

— Ночью с понедельника на вторник Леон Зиркт стоял напротив «Ромео», нового ночного ресторана на улице Комартэн.

Инспектор подготовил все заранее и вынул из кармана новую бумажку и вырезку из газеты.

— Той ночью «Ромео» был закрыт для посетителей, так как зал сняли для проведения свадьбы.

Жестом адвоката, представляющего неопровержимые улики высокому суду, он положил вырезку перед Мегрэ и вернулся на свое место.

— Как месье увидит через минуту, речь идет о свадьбе некоего Марко Сантони, представителя во Франции известной итальянской фирмы по производству вермута, с мадемуазель Жанной Арменье из Парижа, без определенной профессии. Гостей было много, поскольку Марко Сантони широко известен в кругу людей, любящих поразвлечься.

— Это Зиркт сообщил вам подробности?

— Нет. Удалось узнать в «Ромео». А таксист с несколькими своими коллегами ждал на стоянке. Начинило моросить. Самое меньшее через пятнадцать минут после полуночи какая-то девушка в голубом вечернем платье и черном пальто с капюшоном вышла из ресторана. Зиркт спросил: «Такси не изволите?»

Но девушка, покачав головой, пошла дальше.

— Таксист уверен, что это была она?

— Да. У выхода из «Ромео» горит неоновая вывеска. Как человек, привыкший к ночной работе, Зиркт обратил внимание, что платье было убогое. Стоящий перед рестораном вышибала Гастон Руже тоже узнал ее по фотографии.

— Таксист не видел, куда она пошла?

Лоньон вытер нос. Он не был горд, напротив, был слишком смущен, будто извинялся за скупую информацию.

— Через несколько минут из ресторана вышла парочка, которую он повез на площадь Этуаль. Когда машина пересекала площадь Сен-Огюстен, Зиркт увидел эту девушку. Она быстро шла через площадь, направляясь в сторону бульвара Осман, будто жила на Елисейских полях.

— Это все?

— Когда он высадил пассажиров, то очень удивился, увидев ее снова на углу бульвара Осман и улицы Сен-Оноре. Она шла, не останавливаясь. Зиркт посмотрел на часы из

любопытства, чтобы проверить, сколько времени у нее заняла эта прогулка. Было около часа ночи. Убили ей около двух, а в три нашли труп на площади Вэнтимиль.

Лоньон работал безошибочно. И было видно, что это еще не все. Инспектор, не вставая со своего места, достал из кармана третью карточку.

— Марко Сантони живет на улице де Берри.

— Вы его видели?

— Нет. После банкета в «Ромео» новобрачные улетели во Флоренцию, где собираются провести несколько дней Я разговаривал с его слугой, Жозе Рюшоном.

В распоряжении Лоньона не было служебной машины. Он не брал такси, зная, что эти расходы ему не компенсируют, и ночью ходил по городу пешком, а утром ездил на метро или автобусе.

— Я допросил также барменов из «Фуке» на Елисейских полях и из двух других подобных заведений. Не удалось только перехватить бармена из «Максима», который живет где-то в предместье, его еще не было

Казалось, что у Растяпы бездонный карман. По ходу разговора он вытаскивал из него все новые и новые картонные квадратики, на которых были отражены все этапы его расследования.

— Сантони сорок пять лет. Это интересный мужчина, немного полный, очень холерный. Охотно посещает кабаре, бары и самые лучшие рестораны. У него было много женщин — обычно танцовщицы и манекенщицы. Три или четыре месяца назад, о чем мне сообщили, он познакомился с Жанной Арменье.

— Манекенщица?

— Нет. Вращалась совершенно в другом кругу. Неизвестно, где он ее нашел.

— Возраст?

— Двадцать два года. После знакомства с Сантони она поселилась в отеле «Вашингтон» на одноименной улице. Сантони часто ее посещал, ночевал у нее.

— Это его первая женитьба?

— Да.

— Слуга видел фото убитой?

— Я показывал. Уверяет, что впервые видит. Показал фотографии также трем барменам — с тем же успехом.

— Слуга был в доме в ночь с понедельника на вторник?

— Да. Упаковывал вещи в связи с отъездом молодоженов. Никто не звонил. Сантони вместе со своей молодой женой явился в пять утра. Они были в хорошем настроении, быстро переоделись и поехали в аэропорт Орли.

Снова замолчали. Каждый эпизод Лоньон подавал так, будто он последний и уже нечего добавить, но в его молчании было что-то многозначительное, что всякий раз говорило Мегрэ: это еще не конец.

— Не знаете ли, сколько времени могло пройти с тех пор, как девушка вошла в ресторан, до момента, когда Зиркт остановил ее у выхода?

— Я говорил мсье, что допросил вышибалу.

— Он проверял приглашения?

— Нет. Только немногие их предъявляли. Вышибала вспомнил, что увидел ее, когда она вошла в ресторан. Было почти двенадцать часов. Уже начали танцевать. Она не походила на постоянную посетительницу его заведения, и он подумал, что это приятельница невесты.

— Она пробыла там минут пятнадцать?

— Да. Я спрашивал бармена.

— Он что, был на месте? Лоньон просто ответил:

— Нет, я сходил к нему домой. Это около Порт-де-Терн.

Если кому-нибудь пришло бы в голову сосчитать, сколько километров отшагал Растяпа

этой ночью, то получилась бы ужасающая цифра. Мегрэ невнятно вообразил себе, как Лоньон тащится пешком ночью, и позднее в лучах тусклого рассвета, подобный тянущему слишком тяжелую для себя ношу муравью, которого никто не заставит свернуть с выбранной дороги.

Ни один другой инспектор не стал бы так надрываться, а бедный Растяпа единственным желанием которого в течение двадцати лет было попасть на набережную Орфевр, никогда туда не попадет. Это только немного зависело от его характера. Главной же причиной было незаконченное образование. Он не мог выдержать экзаменов и навечно оставался простым окружным инспектором.

— Что сказал бармен?

Еще одна карточка — с фамилией, адресом, информацией. Лоньон даже не заглядывал в нее — знал все наизусть.

— Бармен обратил внимание, что девушка задержалась около входа. Метрдотель подошел к ней и тихо что-то сказал. Она покачала головой. Скорее всего, тот спросил, за каким столиком ее ждут. Потом она смешалась с толпой. Как раз все встали. Гости танцевали не только в центре зала, но и между столиками.

— Она разговаривала с невестой?

— Вынуждена была подождать, так как невеста тоже танцевала. Потом ей все-таки удалось подойти и поговорить. Два раза Сантони, горя от нетерпения, пытался их прервать.

— Невеста ей что-нибудь дала?

— Я спрашивал об этом. Бармен не видел.

— Было похоже, что они ссорились?

— Казалось, что мадам Сантони была с ней сдержанна, даже холодна. Несколько раз качала головой. Потом девушка в голубом исчезла из поля зрения бармена.

— Неужели вы не допросили метрдотеля? — спросил комиссар. Это начинало его развлекать.

— Он живет на улице Коленкур, в самом конце. Он тоже еще спал. Лоньон удосужился побывать и там!

— Метрдотель подтвердил показания бармена. Он подошел к девушке спросить, кого она ищет. Та сказала, что она — подруга невесты и хотела бы сказать ей несколько слов.

Лоньон встал, что должно было означать, что его доклад закончен.

— Вы проделали огромную работу, старина.

— Я сделал то, что было нужно.

— А теперь идите в постель, нужно немного подумать и о себе.

— Это обычная простуда.

— Если вы не будете осторожнее, то простуда может кончиться бронхитом.

— Я каждую зиму болею бронхитом и никогда, тем не менее, не лежу в постели.

С этим Лоньоном была масса хлопот! Он в поте лица собрал на самом деле ценную информацию. Если бы это проделал любой другой инспектор, Мегрэ сразу же послал бы несколько человек по теплomu еще следу, чтобы отыскать самые важные нити. Один не в состоянии работать за всех. Но если бы комиссар сделал это, Растяпа был бы уверен, что у него отнимают хлеб. Простывший, он падал от усталости, кашлял. За последние трое суток спал не больше восьми часов. И тем не менее нельзя было запретить ему дальнейшее расследование. Растяпа и так воображал себя несчастной жертвой, которой оставляют всю черную работу, а в итоге поздравляют с успехом увенчанных лаврами коллег.

— Какие у вас планы?

— Если патрон собирается назначить кого-то другого...

— Скажете тоже! Если я что-то и имею в виду, то только то, чтобы вы хорошенько отдохнули.

— У меня будет много времени для отдыха, когда уйду в отставку. Я не был еще ни в

мэрии восьмого округа, где регистрировался брак, ни в гостинице «Вашингтон», где жила мадам Сантони, пока не вышла замуж. Думаю, что там удастся добыть ее последний адрес, а там и дойду до места, где жила убитая.

— Два последних месяца она жила на улице Клиши. у некой мадам Кремье, вдовы, которая сдавала ей комнату. Лоньон закусил губу.

— Не знаю, что она делала перед этим. Вдова Кремье сообщила, что девушку звали Луиза Лабуан, но она в глаза не видела ее удостоверения личности.

— Могу я вести следствие дальше?

— Конечно, если у вас есть желание. Прошу однако так не переутомляться.

— Благодарю вас.

Мегрэ сидел, уставившись на стул, на котором перед этим томился Растяпа. На негативе с изображением Луизы Лабуан проступили кое-какие новые детали, но в целом впечатление было еще далеко до контрастности.

Неужели последние два месяца, оставшись без работы, она искала по Парижу Жанну Арменье? Может быть, случайно увидела в газете сообщение о свадьбе Марко Сантони и о банкете, который должен состояться в «Ромео»? В таком случае Луиза должна была прочитать газету вечером, так как был уже десятый час, когда она прибежала к мадемуазель Ирэн за вечерним платьем. Из магазинчика на улице Дуэ она вышла около десяти.

Что она могла делать между десятью и двенадцатью? С улицы Дуэ до улицы Комартэн идти самое большее двадцать минут. Неужели все остальное время она в нерешительности бродила по городу?

На столе еще лежал рапорт доктора Поля. Мегрэ просмотрел его. Да, как доктор и предполагал, в желудке убитой было значительное количество алкоголя.

Однако, если верить метрдотелю, у девушки не было возможности хоть что-нибудь выпить во время своего краткого визита в «Ромео». Значит, она пила или перед этим, для храбрости, или потом, между выходом из ресторана и смертью.

Мегрэ открыл дверь в комнату инспекторов и позвал Жанвье.

— Для тебя есть работа. Пойдешь на улицу Дуэ, оттуда пешком на улицу Комартэн, заходя по дороге во все бары и кафе, и везде показывай фотографии.

— Те, на которых она в вечернем платье?

— Да Попробуй также узнать, может, в понедельник вечером, между десятью и двенадцатью, кто-нибудь ее видел.

Когда Жанвье уже закрывал за собой дверь, Мегрэ вернул его.

— Если встретишь Лоньона, не рассказывай ему, чем занимаешься.

— Ясно, патрон.

Голубой чемодан стоял в углу его кабинета. Казалось, все его тайны открыты. Он был дешевенький, из тех, какие можно купить на любом рынке или в магазине около железнодорожного вокзала. И неплохо послужил на своем веку.

Мегрэ вышел из кабинета и отправился в другой конец коридора, где занимался своими бумажными делами его коллега Приоле из международного отдела. Приоле готовил к отправке корреспонденцию. Мегрэ, спокойно попыхивая трубкой, наблюдал, как он это делает.

— Я тебе нужен?

— Только один вопрос. Знаешь Сантони?

— Марко?

— Да.

— Недавно женился.

— Что тебе о нем известно?

— Хорошо зарабатывает и так же легко расстается с деньгами, как легко их получает. Привлекательный мужик. Любитель красивых женщин, интимных ужинов и роскошных

автомобилей.

— Он у нас не числится?

— Нет. Он из хорошей миланской семьи. Отец — большая шишка в виноделии, специализируется на вермуте. Марко представляет фирму во Франции. Завсегдатай баров на Елисейских полях и дорогих ресторанов, падок до красивых девушек. Но несколько месяцев назад попался сам...

— В сети Жанны Арменье.

— Не знаю, как ее зовут. Не имею ни малейшего повода заниматься им и его подружками. О том, что женился, знаю только по тому, что устроил пышный банкет в одном из ночных ресторанов, который снял по этому случаю.

— Было бы хорошо, если бы ты узнал что-нибудь о его жене. Последнее время она жила в отеле «Вашингтон». Хочу знать, откуда родом, что делала до знакомства с ним, кем были ее друзья и подруги. Особенно подруги.

Приоле взял карандаш и записал это в блокнот.

— Это имеет связь с убитой на площади Вэнтимиль? Мегрэ кивнул головой.

— Думаю, по твоим делам не проходила Луиза Лабуан?

Приоле повернулся в сторону приоткрытой двери.

— Дофэн! Ты слышишь?

— Да, патрон.

— Будь добр, проверь.

Через несколько минут из соседней комнаты раздался голос Дофэна:

— Нет такой.

— Досадно, старина. Я займусь мадам Сантони. Но тебе будет непросто допросить ее, ведь в газетах пишут, что молодожены развлекаются в Италии.

— Я же не настаиваю, чтобы это было сию минуту. Часы на камине, такие же, как и в кабинете Мегрэ, да и во всех комиссариатах, показывали двенадцать.

— Ты не пойдешь выпить?

— Не сейчас, — отказался Приоле. — Жду посетителя.

Мегрэ производил впечатление человека, не знающего, чем себя занять. Большими шагами он измерил коридор, заглянул в застекленную комнату для посетителей, где смертельно скучали двое или трое. Потом, поднявшись по узкой лестнице, ведущей на последний этаж Дворца правосудия, комиссар толкнул дверь в лабораторию. Муре что-то рассматривал под микроскопом.

— Ты уже исследовал вещи, которые я прислал?

Здесь никто никогда не спешил. Несколько человек в серых халатах молча манипулировали сложными приборами. Сам Муре был воплощением внутреннего спокойствия.

— Черное платье, — изрек он, — никогда не стирали, но часто чистили бензином и щеткой. Несмотря на это на ткани остались частички пыли. Сейчас я как раз ими занимаюсь. Сделал также анализ тех пятен, которые не могли удалить бензином. Нашел следы зеленой краски.

— Это все?

— Почти. Еще несколько крупинки песка.

— Речного?

— Морского. Такого, какой встречается на побережье Нормандии.

— А на Средиземном море не такой песок?

— Нет. Ничего похожего. И океанский не такой.

Мегрэ побродил еще немного по лаборатории, выбил трубку а каблук. Когда он вернулся в отдел, шел первый час и инспектора собирались завтракать.

— Патрон, вас искал Люка, — сказал инспектор Жюссье. Люка был уже в шляпе.

— Я должен идти. Оставил вам на столе записку. Ферэ просил, чтобы вы сразу же ему позвонили. Думаю, это касается нашего убийства. Мегрэ зашел в свой кабинет и снял трубку.

— Соедините с оперативной бригадой в Ницце.

Никогда еще не было так мало звонков, как сейчас, несмотря на фотографии в газетах. По существу, до сих пор был только один, от Розы, юной служанки с улицы Клиши.

А ведь при этом дюжины людей в течение нескольких месяцев должны были видеть эту девушку, хотя бы мимоходом, на улице.

— Алло. Ферэ?

— Это вы, патрон?

Инспектор Ферэ когда-то работал на набережной Орфевр, а потом подал рапорт и попросил о переводе на юг в связи с плохим здоровьем жены.

— Сегодня утром был звонок, который, думаю, вас заинтересует. Понимаете, о чем идет речь?

— О Луизе Лабуан.

— Конечно. Патрону нужны детали? Но я пока ничего не знаю. Не начинал расследование до разговора с вами. Сегодня утром, около полдевятого, мне позвонила некая Алиса Фенеру, торговка рыбой... Алло!..

— Да, слушаю.

На всякий случай Мегрэ записал эту фамилию на одном из листочков, оставленных Лоньоном.

— Она сказала, что узнала фотографию, которую опубликовал «Эклерер». Это старая история. Четыре или пять лет назад эта девушка, которая тогда была еще совсем малявкой, жила со своей матерью в доме по соседству.

— Подробности известны?

— Мать не очень аккуратно оплачивала счета. Это она помнит лучше всего. «Это люди, которым никогда нельзя давать в кредит», — вот что она сказала. Дословно.

— Что потом?

— Мать и дочь занимали удобную квартиру недалеко от аллеи Клемансо. Мать когда-то была красивой женщиной. Была старше, чем обычно бывают матери пятнадцатилетних девочек. Во всяком случае ей было давно за пятьдесят.

— На что они жили?

— Это загадка. Мать прекрасно одевалась, выходила только после ленча и возвращалась поздно ночью.

— Это все? И никаких мужчин?

— О них не было речи. Если бы что-то в этом смысле было не так, лавочница бы с удовольствием об этом рассказала.

— Уехали они вместе?

— Похоже, что так. В один прекрасный день исчезли, оставив долги.

— Ты проверил, фамилия Лабуан не фигурирует в твоей картотеке?

— Это первое, что я сделал. Никаких следов. Спросил коллег. Одному из старых работников фамилия откуда-то знакома, но он не может вспомнить откуда.

— Займись этим.

— Сделаю все, что смогу. Что бы патрону хотелось знать для начала?

— Все. Когда девушка уехала из Ниццы. Что стало с матерью. На что жили. У кого бывали. Если ей было пятнадцать или шестнадцать лет, она должна была ходить в школу. Ты не мог бы проверить это?

— Понятно. Как только что-нибудь узнаю, позвоню.

— Справься о матери в казино.

— Уже подумал об этом.

Силуэт на негативе стал еще четче. Благодаря разговору с Ниццей Мегрэ увидел

девочку-подростка, бегущую за рыбой в лавочку, и мать, обремененную долгами, которая с кислой физиономией выговаривает что-то дочери.

Комиссар надел пальто, нахлобучил шляпу и спустился вниз. На лестнице он встретил какого-то человека в сопровождении двух полицейских, но даже не взглянул на него. Пройдя через двор, комиссар зашел к начальнику отдела по учету жилой площади, сдаваемой внаем. Там он выписал на карточки имена Луизы Лабуан и Жанны Арменье.

— Если можешь, поручи своим людям поискать эти фамилии в картотеке. Лучше в прошлогодней.

Хорошо бы, чтобы бедняга Лоньон не узнал, что так за него будет сделана большая часть работы.

Дождь кончился, и в лужи заглянуло солнце. Мегрэ поднял руку, будто хотел остановить проезжающее такси, но передумал и зашел в пивную «Дофин». Он сам не знал, чего бы выпить. Рядом у стойки два инспектора спорили о выслуге лет, необходимых для пенсии.

— Что вам подать, месье Мегрэ?

На первый взгляд казалось, что у комиссара плохое настроение, но те, кто хоррошо его знал, понимали, что не в настроении дело. Просто он сейчас был сразу в нескольких местах: у вдовы на улице Клиши, в магазинчике на улице Дуэ, на скамейке около церкви Святой Троицы и еще в Ницце, где ясно видел девочку, препирающуюся с хозяйкой рыбной лавки.

Все было перемешано, расплывчато, неясно, но в конце концов из всего этого что-то должно было сложиться. Среди этих образов был один, от которого он не мог избавиться, — нагое тело под яркой электрической лампой, а рядом доктор Поль в белом халате, натягивающий резиновые перчатки.

— Анисовую, — машинально ответил Мегрэ.

Поль сказал ему, и это хорошо запомнилось, что девушка упала на колени. Чуть раньше зашла в «Ромео» на улице Комартэн, таксист запомнил ее бедное платье, бармен видел, как она пробиралась между танцующими, разговаривала с метрдотелем, потом с невестой. Затем вышла под дождь и пошла куда глаза глядят. Ее видели на площади Сен-Огюстен, потом она мелькнула на углу бульвара Осман и Сен-Оноре... О чем думала она в это время? Куда шла? Почти без денег. Старуха Кремье выгнала ее из дома. Она не могла уйти далеко. Там, куда она пришла, ее ударили, она упала на колени и неизвестный обрушил на ее голову что-то тяжелое.

Все это случилось около двух часов ночи. Что она делала между двенадцатью и двумя?

Потом убийца положил тело в середине площади Вэнтимиль.

— Странная девушка, — пробормотал Мегрэ.

— Слушаю, — произнес официант.

— Ничего. Который час?

Завтракать комиссар поехал домой.

— Кстати, о том, чем ты интересовался вчера вечером, — начала мадам Мегрэ, как только они сели за стол. — Я думала об этом целое утро. Есть еще один повод, по которому девушка надевает вечернее платье.

Комиссар не церемонился с женой, как с Лоньоном, и, прервав ее, рассеянно бросил:

— Знаю. Свадьба.

Мадам Мегрэ обиженно не открывала рта до конца завтрака.

Глава пятая,

о даме, которая зарабатывает себе на жизнь игрой в рулетку, о старой деве, которая хочет рассказать все до конца, и о девочке, которая прячется под кроватью

Два, а может, и три раза в течение этого дня Мегрэ поднимал голову от бумаг и смотрел на небо. Он разглядывал его безукоризненную голубизну, золотистые островки облаков и крыши домов, блестящие на солнце. Комиссар со вздохом откладывал работу, вставал и открывал окно.

И каждый раз, едва он успевал сесть, чтобы насладиться весенним воздухом, который придавал дыму от трубки особенно приятный вкус, бумаги начинали шевелиться, падать и в конце концов с шелестом разлетались по углам.

Высоко, наверху, облака из белых и золотистых постепенно становились сине-серыми, и по подоконнику вдруг забарабанил косой дождь. Люди на мосту Сен-Мишель неожиданно припустили быстрее, совсем как в немых фильмах, а женщины придерживали руками подолы.

Потом дождь сменился градом. Градины подскакивали, как шарики для пинг-понга. Когда комиссар закрыл окно, то нашел несколько штук на середине кабинета.

Наверное, Лоньон сейчас прочесывал город, не выспавшийся, но упорный, припав к асфальту, как гончая, взявшая след среди толпы прохожих. Не исключено. Скорее всего, так оно и было. Он не звонил. Никогда не брал с собой зонта. Не относился к числу людей, бегущих в подворотню, чтобы переждать там ливень. Наоборот, промокнув, он чувствовал какое-то своеобразное удовольствие — жертва всеобщей несправедливости и собственной обязательности.

Жанвье вернулся около трех. Он едва держался на ногах. Нечасто его видели в таком состоянии. Глаза блестели больше, чем обычно, в голосе слышались неестественно веселые нотки.

— Все хорошо, патрон!

— Что хорошего?

По его тону можно было предположить, что он только что встретил Луизу Лабуан, целую и невредимую.

— Вы были правы патрон!

— Выразайся яснее.

— Я обошел все бары и кафе.

— Это видно.

— Она была только в одном, на углу Комартэн и Сен-Лазар. Официанта, который ее обслуживал, зовут Эжен. Он лысый, живет в Бекон-ле-Брюйер и имеет дочку того же возраста, что и она.

Жанвье погасил сигарету и тут же закурил новую.

— Она пришла в пол-одиннадцатого и села в углу, недалеко от кассы. Выглядела замерзшей и заказала грог. Когда Эжен его подал, попросила жетон для телефона-автомата. Зашла в кабину, но сразу же вышла. Была в кафе почти до полуночи и по крайней мере десять раз пыталась до кого-то дозвониться.

— Сколько грогов она выпила?

— Три. Постоянно вскакивала и звонила по телефону.

— Дозвонилась все-таки?

— Эжен не знает. Он старался на нее не смотреть. Казалось, она вот-вот расплатится. Но вытерпела до конца. Он пытался с ней заговорить, но она только молчала. Видите патрон, как оно все складывается. Из магазинчика на улице Дуэ она вышла сразу после девяти. Имела достаточно времени, чтобы пешком дойти до улицы Комартэн, но сидела в кафе, пытаясь до кого-то дозвониться, звонила до самого последнего момента, пока не отправилась в «Ромео». Три стакана грога — не слабо для девушки. Должна была быть навеселе.

— И уже без денег, — произнес Мегрэ.

— Я и не подумал об этом! Что мы будем теперь делать?

— А что у тебя есть?

— Текущие дела.

И он склонился над столом, словно сожалея, что его экспедиция закончилась.

Мегрэ копался в папках, делал выписки, звонил в разные отделы. Около пяти в дверях появился Приоле:

— Не помешал?

— Да нет. Заканчиваю писанину по старому делу.

— Ты знаешь Люсьена? Он работает у меня, а живет рядом с тобой.

Мегрэ его припоминал. Это был здоровяк с черными, как смоль, волосами. У его жены была лавочка лекарственных растений на улице Шмен-Вер. Как-то раз летом, когда Мегрэ шел с женой в гости к доктору Пардону, он заметил Люсьена на пороге магазинчика.

— Я только что озадачил всех моих людей, так, на всякий случай, ну и его тоже.

— О Жанне Арменье?

— Да. Он посмотрел на меня и поднял брови. «Это интересно, — сказал тут же. — Жена говорила о ней за завтраком. А я пропустил мимо ушей. Минутку. Сейчас вспомню. Что-то в этом роде: „Помнишь ту рыжую с красивой грудью, что жила в соседнем доме? Недавно удачно вышла замуж. Для свадьбы сняли целый ресторан“. Жена назвала фамилию. Кажется, именно Арменье. И еще добавила: „Уж теперь-то она у меня ничего покупать не будет...“

Не исключено, что и Мегрэ мог видеть ее в окрестностях своего дома, и мадам Мегрэ делала покупки в одних и тех же магазинах, что и Жанна Арменье, потому что жена комиссара покупала практически все на улице Шмен-Вер.

— Люсьен спросил меня, может ли он заняться своей бывшей соседкой. Я ответил, что ты, наверное, хочешь держать все нити в своих руках.

— О Сантони ничего не слышно?

— Ничего особенного, за исключением того, что все его знакомые удивлены этой свадьбой. Обычно его связи продолжались недолго.

Был как раз перерыв между одним ливнем и другим. Солнце пригревало, лужи подсыхали. Мегрэ решил, что неплохо было бы пройтись, Он уже оделся, когда зазвонил телефон.

— Алло, комиссар Мегрэ слушает.

Это была Ницца. У Ферэ были какие-то необычайные новости, потому что он был так же возбужден, как и Жанвье.

— Я нашел мамашу, патрон! Чтобы с ней поговорить, съездил в Монте-Карло.

Вот так всегда и бывает. Целыми часами, целыми днями человек топчется на месте, а потом новости сыплются, как из рога изобилия.

— Она была в казино?

— Она и сейчас там. Сказала, что не может отойти от стола. Если не будет играть, ей не на что будет жить.

— Она ходит туда каждый день?

— Да, как другие ходят на работу. Играет до тех пор, пока не выигрывает несколько сотен, которых хватит на пару дней. Дальше играть не пытается и уходит.

Мегрэ встречал таких игроков.

— Какая у вас там погода?

— Прекрасная! Полно иностранцев, которые приехали на Карнавал. Завтра будет Парад цветов. Уже устанавливают эстраду.

— Ее тоже зовут Лабуан?

— Ее настоящее имя Жермен Лабуан, но она велит называть себя Лилиан. Крупье знает ее как Лили. Ей около шестидесяти, очень сильно накрашена и обвешана искусственными драгоценностями. Вы знаете такого рода женщин. Ни за что на свете не мог оторвать ее от стола. В конце концов был вынужден сказать ей без обиняков: «Ваша дочь умерла».

Мегрэ спросил:

— Она не знала об этом из газет?

— Она не читает газет. Таких, как она, интересуется только рулетка. Каждое утро покупает бюллетень с перечнем номеров, которые выиграли прошлой ночью. В Ницце есть несколько таких людей, что ездят одним и тем же автобусом и устремляются к игорным столам, как продавщицы больших универмагов к прилавкам, за которыми работают.

— Как она отреагировала?

— Трудно сказать. Уже пятый раз выпадало красное, а она поставила на черное. Сначала бросила на стол несколько фишек. Ее губы шевелились, но я не слышал, что она сказала. Только, когда вышло черное, она собрала выигрыш и встала.

«Как это случилось?» — «Не могла бы мадам на минуту выйти?» — «Сейчас не могу. Должна доиграть. Давайте поговорим здесь. Где это произошло?» — «В Париже» — «В больнице?» — «Ее нашли мертвой на улице». — «Несчастный случай?» — «Убийство».

Застыла от неожиданности, но при этом слушала голос крупье, который объявлял ставки. Сразу прервала меня: «Месье позволит?» Подошла к столу, поставила несколько фишек. Сначала мне показалось, что тут не обходится без наркотиков. Потом понял, что нет. Просто она дошла до такого состояния, при котором человек делает все автоматически. Понимаете?

Мегрэ согласился. Он знал людей такого типа.

— Вы не представляете, патрон, как медленно шло дело. Она постоянно повторяла: «Почему бы вам не подождать до вечера, когда я вернусь в Ниццу? Я расскажу вам обо всем, о чем вы захотите. Мне нечего скрывать». Вы меня слышите, патрон?

Обратите внимание, она не лжет, когда говорит, что не может уйти из казино. Для таких, как она, это — почти профессия. Они располагают небольшой суммой, которая позволяет сыграть несколько партий, даже удваивая ставку. Могут ставить долго, и их цвет в конце концов выйдет. Ничем не рискуют. Удовлетворяются даже мизерными выигрышами, как раз такими, чтобы хватило на еду и ежедневный автобус. Дирекция казино хорошо знает таких клиентов. Есть среди них несколько мужчин, но преобладают пожилые женщины. Когда в казино много народу и все столы заняты, их не забывают и даже вручают им сумму, которую они хотели бы выиграть.

— Она живет одна?

— Да. Встречусь с ней, как вернется. Снимает комнату на улице Грез, недалеко от бульвара Виктора Гюго. Носит платья десятилетней давности, такие же шляпы. Я спросил, была ли она замужем. Она ответила: «Смотря что под этим понимать». Рассказала, что была артисткой и под псевдонимом Лили Франсе много лет гастролировала по странам Востока и Малой Азии. Думаю, эти истории вам известны.

В Париже есть несколько агентств, занимающихся наймом таких артисток. Достаточно было знать несколько танцевальных па или пару песенок. Их посылали в Турцию, в Египет, в Ливан, где они работали в кабаре платными партнершами для танцев и имели процент от выпитого посетителями.

— И там она родила дочь?

— Нет. Это было уже во Франции, когда ей стукнуло почти 40.

— Это случилось в Ницце?

— Насколько я мог понять — да. Непросто допрашивать, когда объект стоит, вперив глаза в крутящийся шарик и стискивает пальцы, когда он останавливается. В конце сказала: «Я не сделала ничего плохого, правда? А раз так — оставьте меня в покое. Я же вам обещала, что вечером отвечу на все вопросы».

— Это все, что ты узнал?

— Нет. Дочь уехала из дома четыре года назад. Оставила записку, что никогда не вернется.

— Ей еще не было шестнадцати лет?
— Ровно шестнадцать. Исчезла в день рождения и с тех пор не давала о себе знать.
— Мать не сообщила в полицию?
— Нет. Кажется, не была даже очень огорчена.
— Не узнавала, что с ней?
— Через некоторое время получила письмо, в котором некая мадемуазель Поре с улицы Шмен-Вер писала, что нужно лучше воспитывать свою дочь и не пускать ее одну в Париж. Не знаю точного адреса этой Поре. Мадам Лабуан обещала, что вечером отыщет его.
— Я знаю, где ее искать.
— Месье ориентируется в ситуации?
— Более или менее.
Мегрэ посмотрел на Приоле, который слушал разговор. Одна и та же информация пришла из двух разных источников одновременно.
— В котором часу ты с ней встретишься?
— Как только она вернется в Ниццу. Это может быть и в семь вечера, и в двенадцать ночи, с тем же успехом Все зависит от рулетки.
— Позвони мне домой.
— Слушаюсь, патрон. Мегрэ положил трубку.
— Исходя из того, что говорит Ферэ из Ниццы, особа, у которой жила Жанна Арменье на улице Шмен-Вер, — некая мадемуазель Поре. И она знала Луизу Лабуан.
— Ты поедешь к ней?
Мегрэ открыл дверь.
— Жанвье, ты со мной?
Минутой позже они уже были в автомобиле. Доехав до улицы Шмен-Вер, остановились перед лавочкой с лекарственными травами. В полутемном магазинчике, где приятно пахло зверобоем, за прилавком стояла жена Люсьена.
— Чем могу служить, месье комиссар?
— Мадам знает Жанну Арменье?
— Вам муж рассказал!? Я говорила ему о ней как раз сегодня утром, в связи с той свадьбой, о которой писали в газетах. Сногсшибательная девушка!
— Как давно вы ее видели?
— Да уж года три прошло. Минутку. Это было еще до того, как муж получил прибавку. Значит, три с половиной. Была еще молоденькая, но уже такая женственная, с такими формами, что все мужчины оглядывались на нее на улице.
— Она жила в соседнем доме?
— У мадемуазель Поре. Это моя хорошая клиентка, телефонистка. Жанна Арменье — ее племянница. Мне кажется, что они не слишком ладили, и девушка решила жить отдельно.
— Как вы думаете, мадемуазель Поре сейчас дома?
— Если не ошибаюсь, на этой неделе она работает с шести утра до-трех дня. У вас есть шанс ее застать.
— Живет ли здесь мадемуазель Поре? — спросил Мегрэ у консьержки соседнего дома.
— Третий этаж направо. Кто-то у нее есть, — ответила консьержка.
В доме не было лифта. Вместо электрического звонка на двери висел шнурок. Когда его потянули, где-то в дальней комнате колокольчик издал хилый, еле слышный звук.
Дверь сразу отворилась. Худая черноглазая женщина с резкими чертами лица сурово посмотрела на них:
— Чего изволите, господа?
Мегрэ только собирался ей ответить, как увидел в глубине квартиры Лоньона.
— Извините, Лоньон. Вот не думал, что здесь встретимся. Растяпа отрешенно взглянул на них. Мадемуазель Поре процедила:

— Господа знакомы?

Наконец она удосужилась пропустить их в квартиру. Пахло кухней. В крошечной столовой их стало четверо. И как они только там поместились?

— Вы давно здесь, Лоньон?

— Только что пришел.

Было неуместно интересоваться, откуда он узнал адрес.

— Вы уже начали?

Мадемуазель Поре перебила комиссара:

— Это я уже начала объяснять этому господину, что мне известно, но не закончила. Если, увидев фото в газете, я не пошла сразу в полицию то только потому, что не была уверена, что это именно она. За три с половиной года человек может измениться, тем более в этом возрасте. В конце концов я не люблю вмешиваться в чужие дела.

— Жанна Арменье — ваша племянница?

— Речь шла не о Жанне, а о ее подруге. Если месье интересуется Жанна, то она — дочь моего единокровного брата, но я никогда не воспитывала ее.

— Она родом с юга?

Постольку поскольку, если месье считает, что Лион — это юг. Мой бедный брат работает на прядильной фабрике. После смерти жены он сам не свой.

— Когда она умерла?

— В прошлом году.

— Жанна Арменье приехала в Париж четыре года назад?

— Да, почти четыре года. Лиона ей уже было мало. Ей было семнадцать лет и очень хотелось независимости. Они все теперь такие. Брат написал мне, что не может удержать дочь, раз она решила уехать, и спрашивал, не согласна ли я взять ее к себе. Я ответила, что, конечно, да и что даже помогу ей найти работу.

Она тщательно выговаривала каждую букву, как будто все, что хотела сообщить, имело огромную важность.

Глядя на них по очереди, мадемуазель Поре неожиданно спросила:

— Раз вы все из полиции, почему же вы пришли не вместе?

Что можно было ответить? Лоньон опустил голову, а Мегрэ сказал:

— Мы работаем в разных отделах.

С претензией на великосветскость, она продолжала, глядя на импозантную фигуру Мегрэ:

— Мне кажется, что месье здесь главный. В каком вы звании?

— Комиссар.

— Так это вы — комиссар Мегрэ?

Когда он кивнул головой, ему был сразу же предложен стул.

— Садитесь, пожалуйста. Я все-все расскажу. На чем я остановилась? Ах, да, на письме от брата. Могу его найти, если месье пожелает. Переверну все письма от родственников.

— Спасибо. Это не обязательно.

— Как вам угодно. Если вкратце, то получила письмо, ответила, и однажды утром, полвосьмого, племянница появилась у меня. Уже по одному этому можно судить о ее характере. Есть несколько прекрасных дневных поездов, а она приехала ночным. Это, видите ли, более романтично! К счастью, я работала во вторую смену. Но это так, между прочим. Не говоря уже о том, во что она была одета и какая у нее была прическа! Я ей сразу сказала без обвиняков, что если она не хочет, чтобы на нее весь квартал показывал пальцем, она должна изменить свой, с позволения сказать, стиль. Квартира, а я здесь живу уже двадцать лет, не большая и не шикарная, но все-таки две спальни у меня есть. Одну я отдала в распоряжение Жанны. Неделю ходила с ней по городу, чтобы показать Париж.

— Что она собиралась делать?

— Месье спрашивает? Найти себе богатого мужчину — вот что она собиралась делать. Если то, что написано в газете, — правда, то она этого добилась.

— Нашла себе работу?

— Поступила продавщицей в один из магазинов на Больших Бульварах. Кожаная галантерея, недалеко от Оперы.

— Долго там проработала?

Мадемуазель Поре любила поступать по-своему и не скрывала этого.

— Если каждую минуту месье будет меня о чем-то спрашивать, я собьюсь. Расскажу вам все, не волнуйтесь. Значит, жили мы с ней вместе. Вернее, это я воображала себе, что мы живем вместе. Одну неделю я свободна по утрам, другую — с трех до вечера. Шли месяцы. Это было зимой. Холодная тогда была зима. Покупки я делаю в своем квартале, такая у меня привычка. И как раз из-за еды я начала подозревать что-то неладное, особенно из-за масла, которое исчезало с невероятной быстротой. Хлеб тоже. Иногда я не находила в кладовке остатков мяса или пирожного, хотя была абсолютно уверена, что там еще есть кусочек. «Это ты съела котлету?» «Да, тетя. Ночью мне ужасно захотелось есть!»

Я заканчиваю. Да, догадалась я не сразу. Представляете, месье, что произошло? Все это время в моей квартире без моего ведома жил еще третий человек. Это был не мужчина, могу вас сразу успокоить. Какая-то девчонка. Та самая, фотография которой была в газете и которую нашли мертвой на площади Вэнтимиль. Это доказывает, что мое беспокойство не было напрасным, так как подобные вещи не случаются с такими людьми, как вы, месье, или я.

Она ни разу не сделала паузу, чтобы глотнуть воздуха. Стояла спиной к окну, сложив руки на плоском животе. Слова сменялись словами, одна фраза следовала за другой. Казалось, будто она перебирает четки.

— Месье, не волнуйтесь, я уже заканчиваю. Не хочу злоупотреблять вашим терпением, я прекрасно знаю, сколько у вас работы.

Она обращалась только к Мегрэ, сразу поняв, что Лоньон играет при комиссаре только роль статиста.

— Однажды утром, когда я делала уборку, катушка с нитками упала на пол и закатилась под кровать Жанны. Я наклонилась, чтобы поднять ее. Признаюсь, что испугалась, но мне интересно, что бы месье сделал на моем месте? Под кроватью кто-то лежал, глядя на меня кошачьими глазами. Слава богу, что это оказалась женщина. Это чуть прибавило мне смелости. На всякий случай я схватилась за кочергу и закричала: «Вылезай оттуда!». Девчонка оказалась еще младше Жанны. Ей едва было шестнадцать. Но если месье думает, что она заплакала, он сильно ошибается. Она смотрела на меня, не отводя глаз, как будто я, а не она, была чудовищем. «Кто тебя сюда впустил?». «Я — подруга Жанны». «Это не повод, чтобы прятаться под кроватью. Что ты там делала?». «Ждала, когда мадам уйдет». «Зачем?» «Чтобы самой уйти». Представляете себе, месье комиссар? И так продолжалось неделю, если не месяц. Она приехала в Париж в то же самое время, что и моя племянница. Познакомились они в поезде. Обе ехали в третьем классе, не могли уснуть и проболтали всю ночь. Девчонку звали Луиза. Денег у нее с собой было на две-три недели. Нашла работу в какой-то конторе — приклеивала марки на конверты. Но шеф стал ей делать гнусные предложения и получил по физиономии. Так она мне рассказала, но это может и не быть правдой. Когда осталась без денег и ее выгнали из комнаты, которую она снимала, нашла Жанну и та ей пообещала, что пока не найдет себе работу, может спать здесь. Жанна побоялась мне об этом рассказать и впустила подружку в дом, когда меня не было, и пока я не пошла спать, эта самая Луиза лежала у нее под кроватью. Когда я работала во вторую смену, она должна была лежать там аж до полтретьего, так как я ухожу на работу к трем.

С самого начала Мегрэ с трудом сохранял серьезность. Женщина не спускала с него глаз и увидела бы даже самую мимолетную ироническую улыбку.

— Если вкратце... — повторила она.

Самое меньшее три раза употребила она этот оборот. Мегрэ машинально посмотрел на ласы.

— Если месье наскучило...

— Нисколько.

— Месье нужно идти?

— У нас есть еще немного времени.

— Уже заканчиваю. Хочу только обратить внимание месье на то, что каждое мое слово целый месяц доходило до ушей третьей особы, какой-то авантюристки, которую я даже не знала. Но зато она знала, что я делаю и куда иду. Я жила нормальной жизнью, думая, что я у себя в доме не подозревая, что...

— Вы написали ее матери?

— Откуда месье знает? Она сказала?

На лице Лоньона отразилось разочарование. Он напал на след этой Поре, и это ему стоило долгих и мучительных путешествий по городу. Сколько проливных дождей обрушилось на его бедную голову, и ни разу он не попробовал где-нибудь спрятаться. А он, Мегрэ, даже не выходил из кабинета. Сведения находили его сами. И не только потому, что комиссар узнал о существовании мадемуазель Поре почти одновременно с Лоньоном, Растяпе казалось, что Мегрэ обо всем этом деле осведомлен значительно лучше.

— Я не сразу написала матери. Перво-наперво я предупредила девицу и потребовала, чтобы духу ее здесь не было. А ведь я могла посадить ее на скамью подсудимых!

— За самовольное проникновение в квартиру?

— Да, и за воровство еды в течение месяца. Когда вернулась племянница, я ей без обиняков сказала, что я думаю о ней и о ее знакомствах. Жанна оказалась не лучше! Скоро она тоже ушла из дома и поселилась в отеле. Мадемуазель хотела свободы, понимаете, месье? Чтобы встречаться с мужчинами!

— А вы уверены, что она с ними встречалась?

— А зачем еще нужно было жить отдельно, если у меня ей было, где спать и что есть. Я выпытала у Жанны все о ее подруге. Она сказала мне, как ее зовут и где живет ее мать. Я колебалась почти неделю, а потом все-таки написала письмо. У меня есть копия. Не знаю, какие были последствия. По крайней мере, мать не может сказать, что я ее не предупреждала. Хотите прочитать?

— Это не обязательно. У вас были встречи с племянницей после ее ухода?

— Она никогда не приходила, чтобы проведать меня, ни разу ей не пришлось в голову хотя бы прислать мне новогоднее поздравление. Думаю, что молодежь вся такая. Я все сообщила моему брату, который ничего не понял. Уж его она умеет обработать. Время от времени пишет ему, что живет хорошо, что есть работа, и в каждом письме обещает, что скоро его навестит.

— И что, так и не навестила?

— Один раз, на Рождество.

— Кроме нее в семье есть дети?

— Был брат, но он умер в санатории. Если вкратце... Мегрэ начал машинально считать эти обороты.

— Она совершеннолетняя. Может быть, и рассказала отцу о своей свадьбе. Мне он об этом не сообщил. Я узнала только из газеты. Но вот что интересно, обратили ли вы внимание, месье, что ее подругу убили как раз в день свадьбы!

— Они не общались?

— Откуда я знаю? Но если месье меня внимательно слушал, он мог понять, что такая девушка, как Луиза, так просто не отвяжется от подруги. Та, что живет на хлебнице и прячется под кроватями, не погнушается ничем. А этот Сантони, очевидно, богатый

человек...

— И неужели вы с племянницей ни разу не виделись за три года?

— Немного больше, чем три года. Один раз, в прошлом году, кажется, в июле, я увидела ее в поезде. Это было на вокзале Сен-Лазар. Я решила выбраться на целый день в Мант-ла-Жоли². Стояла прекрасная погода. Я очень скучала по природе, а тут как раз выходной. На соседнем пути стоял великолепный экспресс на Довиль³. Наш поезд уже тронулся, когда в окне экспресса мелькнула Жанна. Она показала на меня пальцем кому-то, кто был рядом с ней, и в последний момент сделала в моем направлении иронический жест.

— Она ехала с женщиной?

— Не успела заметить. Увидела только, что Жанна была шикарно одета, а в этом экспрессе были только вагоны первого класса.

Жанвье, как всегда, делал записи, очень короткие, так как всю ее болтовню можно было изложить несколькими словами.

— Когда племянница жила у вас, вы были не в курсе, есть ли у нее друг?

— Судя по тому, что говорила, она не встречалась ни с кем. Но трудно верить девушке, которая прятала под кроватью неизвестно кого.

— Большое вам спасибо.

— Это все, что мне хотелось узнать?

— А у вас есть еще что-то?

— Может быть, я еще что-то вспомню...

Не без сожаления она смотрела, как все трое исчезают в дверях. Ей так хотелось рассказать что-нибудь еще...

Лоньон пропустил вперед Мегрэ с Жанвье и спускался последним. Внизу комиссар не мог сразу придумать, что сказать Растяпе.

— Извините, старина... Если бы я знал, что вы здесь...

— Это не имеет значения.

— Вы проделали огромную работу. Не исключено, что теперь дело пойдет значительно быстрее, просто помчится галопом.

— Это значит, что я больше не нужен.

— Я этого не говорил.

Жена Люсьена выглядывала из окна своего магазинчика.

— Сейчас ничего конкретного для вас нет. Было бы неплохо, чтобы вы немного отдохнули и занялись своим бронхитом.

— Это только обычная простуда. Но несмотря на это, спасибо.

— Вас подбросить?

— Нет, я на метро.

Лоньон умышленно подчеркивал разницу между ним, едущим на машине, и собой, который тащится на метро и, поскольку близилось к шести, будет мучиться в переполненном вагоне.

— Ну, хорошо. Если вам что-нибудь станет известно, позвоните. Я тоже буду информировать вас обо всем.

Сев в машину рядом с Жанвье, Мегрэ вздохнул:

— Бедный Лоньон! Дорого бы я заплатил, чтобы с ним не встречаться.

— Возвращаетесь на набережную, патрон?

— Нет. Подвези меня домой.

Мегрэ жил совсем рядом, и у них не было времени, чтобы обсудить только что

² Мант-ла-Жоли — дачная местность недалеко от Парижа.

³ Довиль — модный курорт на берегу Ла Манша.

услышанное. Оба думали о шестнадцатилетнем подростке под кроватью.

Вдова Кремье считала ее гордой зазнайкой, которая ни на кого не обращала внимания. Служанка семьи Лаше, Роза, видела ее просиживающей долгие часы в одиночестве на скамейке перед собором Святой Троицы. Одна она приходила к мадемуазель Ирэн. Никто не сопровождал ее к «Ромео». Одна оттуда вышла, отказавшись, несмотря на дождь, ехать на такси, водитель которого видел ее на площади Сен-Огюстен, а позднее на углу Сен-Оноре...

А потом было только мертвое тело, лежащее на мокром асфальте площади Вэнтимиль. Не было на ней уже ни взятого на прокат бархатного пальто с капюшоном, ни вышитой серебром сумочки, а на одной ноге не хватало туфли на высоком каблуке.

— До завтра, патрон.

— До завтра, старина.

— Будут указания?

Не было возможности допросить Жанну Арменье, новоиспеченную мадам Сантони, проводящую медовый месяц во Флоренции.

— Вечером жду звонка из Ниццы.

Было еще много темных мест, на которые необходимо пролить свет. И где-то рядом был тот, кто сначала убил девушку, а потом положил ее труп на площади Вэнтимиль.

Глава шестая,

в которой рассказывается о странном отце и угрызениях совести Мегрэ

За обедом мадам Мегрэ рассказывала что-то о дочке соседки по лестничной клетке, как она первый раз сходила к зубному врачу и сказала... Что она там сказала? Мегрэ слушал в полуха, а сам смотрел на жену, голос которой звучал, как знакомая приятная музыка. Мадам Мегрэ замолчала и спросила:

— Разве не забавно?

— Да-да, очень смешно...

Мыслями комиссар был где-то далеко. Такое с ним случалось часто. Он смотрел тогда на собеседника широко раскрытыми неподвижными глазами. Те, кто плохо его знал, даже не подозревали, что Мегрэ смотрит на них, будто на меняющиеся в темной глубине сцены декорации.

Мадам Мегрэ, не закончив истории, пошла мыть посуду. Тем временем комиссар удобно устроился в кресле и развернул газету. Когда в кухне стихли звуки уборки, в квартире воцарилась тишина, прерываемая только шелестом газетных страниц. Дважды начинался и кончался дождь.

Около десяти мадам Мегрэ, видя, что муж сворачивает газету, предположила, что сейчас они пойдут спать, но он взял со стола один из кипы журналов и снова углубился в чтение. Она начала шить, отпуская время от времени ничего не значащие реплики. Ей было все равно, отвечает ли ей муж что-то или довольствуется только покашливанием. Просто это помогало поддерживать интимное настроение.

Соседи, живущие наверху, выключили радио и пошли спать.

— Ты ждешь чего-нибудь?

— Должны позвонить.

Ферэ обещал допросить по-настоящему мать Луизы, как только она вернется из Монте-Карло. Ему могло что-то помешать. Накануне Парада цветов у полиции много работы.

Немного позже мадам Мегрэ заметила, что шелест страниц вновь прекратился. Муж сидел неподвижно с закрытыми глазами. Она подождала немного, а затем произнесла:

— Может быть, ты все-таки ляжешь?

Был уже двенадцатый час. Мегрэ, не протестуя, взял телефон, включил его в спальне и

поставил на столике около кровати. Потом они разделись, по очереди сходили в ванную, проделав ежедневный ритуал Мегрэ погасил свет и, повернувшись к жене, поцеловал ее.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Попробуй заснуть.

Он не переставал думать о Луизе Лабуан и о других персонажах, которые один за другим появлялись неведомо откуда, дефилируя перед ним, как кортеж. Единственное, что отличало эти миражи от настоящих людей, это необычность их движений — то слишком плавных, то, наоборот, подчеркнуто эксцентричных, а лотом они перепутались, будто каждый начал играть чужую роль.

Еще позже Мегрэ привиделось, что он играет в шахматы, но его усталость была так велика, а игра продолжалась так долго, что он перестал различать фигуры. Принимал ферзя за короля, пешки за коней и не мог сообразить, куда же поставил ладью. Это было ужасно, тем более что шеф Уголовной полиции не спускал с него глаз. Вся набережная Орфевр испытывала к этой партии огромный интерес. Естественно, что его противником был никто иной как Лоньон, который с саркастической улыбкой, уверенный в себе, ждал, когда Мегрэ отобьется от шаха, чтобы поставить ему мат.

Этого нельзя было допустить. Речь шла о престиже набережной Орфевр. Поэтому все столпились у него за спиной, внимательно следя за игрой: Люка, Жанвье, молодой Лапуэнт, Торранс и много других, которых он не мог различить.

— Вы подсказываете! — бросил Лоньон кому-то за спиной комиссара. — Но это уже не имеет значения.

Лоньон был один, совсем один. Некому было ему помочь. Но если бы он выиграл, что сказали бы люди?

— Можете подсказывать сколько угодно. Единственное, о чем прошу, — не жульничайте!

Почему он был так уверен, что Мегрэ собирается мошенничать? Или такой уж был у него характер? Неужели он сам ни разу в жизни никого не обманул?

Только сейчас Мегрэ нашел своего ферзя, который решал судьбу партии, и выпутался. Лучше ждать нового шаха. Ферзя нельзя терять ни в коем случае.

Зазвонил телефон. Мегрэ протянул руку, шаря в поисках выключателя.

— Ницца, месье.

Будильник показывал десять минут второго.

— Это вы, патрон?

— Минутку, Ферэ.

— Я вас, наверное, разбудил?

— Правильно сделал.

Мегрэ глотнул воды. Потом взял лежащую на столике трубку. В ней было еще немного табаку. Закурил.

— Вот теперь рассказывай.

— Не представляю, как быть. Знаю о деле только то, что было в газетах. Мне трудно судить, что важно, а что нет.

— Ты виделся с этой Лабуан?

— Только что от нее. Она вернулась из Монте-Карло только в полдвенадцатого и я пошел к ней. Живет она в доме, напоминающем пансионат для подобных ей ненормальных старух. Между прочим, все бывшие актрисы. Есть также экс-вольтижерка из какого-то цирка, а хозяйка, если ей верить, пела когда-то в опере. Не могу вам описать эту атмосферу. Никто еще не спал. Вечерами те, кто не сидят в казино, играют в карты в гостиной, в которой все столетней давности. Полное ощущение музея восковых фигур Гревена. Вам, наверное, скучно?

— Нет.

— Я рассказываю так подробно, потому что знаю, что вы любите увидеть все своими глазами, а поскольку не можете приехать...

— Дальше.

— Во-первых, я узнал, откуда она родом. Ее отец был учителем в каком-то городишке в департаменте Верхняя Луара. Когда ей было восемнадцать, уехала в Париж и два года была статисткой в театре «Шатле». В конце концов ей поручили маленькие танцевальные партии в «Восьмидесяти днях вокруг света» и «Мишель Строгановф». Потом перешла в Фоли-Бержер. Затем выехала с труппой на первые гастроли в Южную Америку, где пробыла несколько лет. Невозможно узнать точные даты. Путается без конца. Вы меня слышите? Я еще раз подумал, не наркоманка ли. Но, присмотревшись, понял, что не в этом дело. Она просто неумна, а может быть, и не совсем нормальна.

— Замуж не вышла?

— К этому и веду. Ей было около тридцати, когда начала выступать в кабаре на Востоке. Это было еще перед войной. Моталась по Бухаресту, Софии, Александрии. Несколько лет жила в Каире и, кажется, добралась даже до Эфиопии. Все это я должен был вытягивать из нее клещами. Расселась в кресле, растирая опухшие ноги, и попросила позволения распустить корсаж. Если вкратце...

Эти слова напомнили Мегрэ тетку Жанны Арменье, мадемуазель Поре, и ее бесконечный монолог.

Мадам Мегрэ смотрела на мужа из-под полуопущенных век.

— Именно в Константинополе, когда ей было тридцать восемь, она познакомилась с неким Ван Крамом.

— Как его звали?

— Юлиус Ван Крам. Вероятно, голландец. Из того, что она о нем рассказала, следует, что он выглядел как настоящий джентльмен и жил в «Пера-Паласе».

Мегрэ наморщил лоб, пытаясь вспомнить, с чем ассоциируется у него эта фамилия. Он был уверен, что слышит ее не в первый раз.

— Сколько лет ему может быть, этому Ван Краму?

— Он был намного старше. В то время ему было под пятьдесят. Значит, сейчас ему почти семьдесят.

— Он жив?

— Не знаю. Я стараюсь рассказывать все по порядку, чтобы ничего не забыть. Она показала мне свою фотографию тех лет. Должен признаться, что это была интересная женщина, в полном расцвете, весьма приятной наружности.

— Чем занимался Ван Крам?

— Думаю, что ее это не очень интересовало. Владел несколькими языками, прекрасно — английским и французским. Также немецким. Бывал на приемах в различных посольствах. Влюбился в нее, и вскоре они зажили вместе.

— В «Пера-Паласе»?

— Нет. Он снял для нее апартаменты недалеко от отеля. Пусть месье на меня не сердится, что не знаю подробностей. Если бы вы знали, сколько труда мне стоило вытянуть из нее хотя бы эту информацию! Все время возвращалась к истории какой-то женщины из кабаре, все время восклицала: «Знаю, что вы считаете меня плохой матерью!». Предложила мне выпить с ней ликера. Если не наркоманка, то, наверное, часто прикладывается к бутылке. «Никогда перед игрой! У стола тоже не пью! Самое большое — капельку потом, для успокоения нервов!»

Объяснила мне, что из всех занятий, которым предаются люди, игра — наиболее изматывающее. Но вернемся к Ван Краму. Через несколько месяцев она поняла, что беременна. Это случилось с ней в первый раз. Не могла в это поверить. Рассказала об этом любовнику, уверенная, что он предпочтет, чтобы она избавилась от ребенка

— И была готова это сделать?

— Сама не знает. Говорит об этом, как о злой шутке, которую с ней сыграла судьба. «Могла забеременеть сто тысяч раз, но случилось это как раз тогда, когда мне исполнилось тридцать восемь». Это дословно. Ван Крам и глазом не моргнул. А через несколько недель предложил ей выйти за него замуж.

— Где они поженились?

— В Константинополе. Это отдельная история. Думаю, что она его в самом деле любила. Повез ее в какую-то контору, она не знает, куда именно, там они подписали какие-то документы, поклялись друг другу в любви и верности, и им объявили, что они — муж и жена. Через несколько дней он предложил поехать во Францию.

— Вместе?

— Да. Сели на итальянский пароход, идущий в Марсель.

— Удостоверение личности у нее на имя Ван Крам?

— Нет. Я спрашивал ее об этом. У них не было времени выправить новое удостоверение. Две недели жили в Марселе, потом переехали в Ниццу. Там появился на свет ребенок.

— Жили в гостинице?

— Сняли очень удобную квартиру близ Променад Дезанглэ. Через два месяца Ван Крам вышел за сигаретами и не вернулся. С тех пор она его не видела.

— И не получала никаких известий?

— Он часто писал: из Лондона, из Копенгагена, из Гамбурга, из Нью-Йорка — и каждый раз присылал деньги.

— Много?

— Иногда много, иногда мало. Просил, чтобы писала о себе, а прежде всего о дочурке.

— Она делала это?

— Да.

— Всегда «до востребования», правда?

— Да. Тогда она и начала играть. Дочка росла, уже ходила в школу...

— ...И никогда не видела своего отца?

— Ей было два месяца, когда он исчез, и с того времени не показывался во Франции. Ей ничего о нем не было известно. Последний перевод, год назад, был весьма значительным, но мать проиграла все за одну ночь.

— Неужели Ван Крам не спрашивал ее, где дочь? Он знал, что она в Париже?

— Да. Но мать не знала адреса.

— Это все, старик?

— Почти. Думаю, что она была не совсем откровенна, когда говорила что ей ничего не известно, каким образом ее муж зарабатывает на жизнь. О чуть было не забыл о самом важном... Когда несколько лет назад ей нужно было продлить свое удостоверение личности, ей захотелось, чтобы его выписали на фамилию Ван Крам. У нее потребовали свидетельство о браке. Предъявила свой единственный документ, составленный на турецком языке. Его старательно исследовали, отправляли даже в турецкое консульство. Затем сообщили, что этот документ не имеет никакого юридического смысла и что она никогда не была замужем.

— Она очень огорчилась?

— Нисколько. Ничего не может выбить ее из колеи, за исключением того, что красное выходит двенадцать раз подряд, когда она сделала двойную ставку на черное. Слушаешь ее, и кажется, что она живет в каком-то нереальном мире. Когда я рассказал ей о дочери, ни на секунду не потеряла самообладания. Сказала только: «Надеюсь, она не очень мучилась...»

— Конечно, ты сейчас пойдешь спать?

— Если бы! Должен мчаться в Жуан-ле-Пен, где в казино накрыли какого-то афериста. Я вам еще нужен, патрон?

— Пока нет. Хотя подожди... Не показала ли она тебе фотографию своего экс-муженька?

— Я просил ее об этом. Она сказала, что в доме была только одна фотография, это она сняла его, а он об этом даже не подозревал, так как у него был какой-то комплекс: он терпеть не мог фотографироваться. Наверное, уезжая в Париж, дочь забрала ее с собой, так как фотография исчезла.

— Спасибо.

Мегрэ положил трубку и вместо того, чтобы погасить свет и попытаться уснуть, встал, чтобы закурить.

Вдова Кремье вспоминала о фотографии, которую ее квартирантка носила в бумажнике, но он слишком много думал в то время о самой девушке, чтобы обратить на это внимание.

Мегрэ стоял посреди комнаты в пижаме и домашних туфлях на босу ногу. Жена предпочитала ни о чем не спрашивать. Может быть, под впечатлением недавнего сна, он подумал о Лоньоне, Несколько часов назад, не придавая этому никакого значения, пообещал ему: «Буду вас обо всем информировать».

Существование Юлиуса Ван Крама могло принципиально изменить ход расследования.

— Позвоню ему рано утром, — прошептал он.

— Ты что-то сказал?

— Ничего. Сам с собой разговариваю.

Он нашел номер телефона Растяпы с площади Константэн-Пекер. Во всяком случае Лоньону не придется потом ни в чем его упрекать.

— Алло! Могу я попросить вашего мужа. Извините, что разбудил мадам, но...

— Я не спала. Целыми ночами не могу сомкнуть глаз. Засыпаю только на час-другой, — ответила мадам Лоньон, раздраженным и как бы плачущим голосом.

— Говорит комиссар Мегрэ.

— Я узнала месье по голосу.

— Я хотел бы переговорить с вашим мужем.

— А я думала, что он с вами. Он сказал, что работает на вас.

— Когда он ушел?

— Сразу после обеда. Быстро поел и исчез, предупредив, что может не вернуться на ночь.

— Не сказал, куда пошел?

— Он никогда не говорит.

— Благодарю, мадам.

— Значит, это неправда, что он работает с вами?

— Почему? Правда.

— А почему же получается, что вы не...

— Он не обязан сообщать мне о каждом своем шаге. Она не поверила. Подумала, что комиссар лжет, чтобы выгородить ее муженька, и собиралась выпытывать дальше, но Мегрэ положил трубку и сразу же позвонил во 2-й комиссариат, где ему ответил полицейский Ледан.

— Там есть Лоньон?

— Не появлялся со вчерашнего вечера.

— Спасибо. Если он придет, попроси его позвонить мне домой.

— Так точно, комиссар!

И тут в голове у него промелькнула скверная мысль, похожая на ту, что была во сне. Ни с того ни с сего он забеспокоился, почему Лоньона нет ни дома, ни на работе и никто не знает, где он сейчас может быть. Следствие в ночных заведениях он закончил, таксистов тоже допросил. Не подлежит сомнению, что еще один визит в «Ромео» тоже не продвинул бы дело вперед.

Однако Лоньон проводил ночь на охоте. Неужели это означает, что он напал на след?

Мегрэ никогда не завидовал коллегам, еще меньшую конкуренцию составляли инспектора. Когда дело бывало успешно завершено, он всегда, когда они этого заслуживали, отдавал должное их профессионализму. Редко давал интервью. Вот и сегодня репортеров уголовной хроники принимал Люка.

Однако на этот раз он не мог объяснить, почему нервничает. Он отдавал себе отчет, что, как в партии в шахматы, которую разыгрывал во сне, Лоньон был совершенно один, в то время как за спиной Мегрэ была вся полицейская машина.

Он покраснел, думая обо всем этом. Тем не менее появилось желание одеться и поехать на набережную Орфевр, Ему теперь было что делаться узнал, кто тот человек, фотографию которого Луиза Лабуан украла у матери и так тщательно хранила.

Мадам Мегрэ смотрела, как муж идет в столовую, открывает буфет и наливает себе рюмку сливовой наливки.

— Не будешь ложиться?

И логика, и интуиция подсказывали ему: нужно идти. Если он не слушался сам себя, то только для того, чтобы дать Лоньону шанс и тем самым покарать себя за черные мысли.

— Мучаешься из-за этого дела?

— Очень сложное!

Интересная штука! До сих пор он почти не думал об убийце, а только о его жертве. На ней был сосредоточен. Теперь, когда он узнал о Луизе Лабуан достаточно много, можно было задать себе вопрос: кто же был ее убийцей.

Что мог сейчас делать Лоньон? Комиссар выглянул в окно. На безоблачном небе сияла полная луна. Дождя не было. Тускло поблескивали крыши.

Он выбил трубку, тяжело опустился на кровать и, целуя жену, сказал:

— Разбуди меня, как всегда.

На этот раз Мегрэ спал без сновидения. Когда утром он пил кофе в постели, светило солнце. Лоньон не позвонил. Это означало, что он не появлялся ни в конторе, ни дома.

На набережной Орфевр комиссар молча выслушал все рапорты и, ни на что не отвлекаясь, пошел на чердак. Там на километровых полках стояли досье тех людей, которые когда-либо вступили в конфликт с правосудием. Дежурный был одет в серый халат, который придавал ему вид кладовщика. В воздухе пахло старой бумагой, почти как в библиотеке.

— Не был бы ты так любезен узнать, есть ли здесь дело некоего Ван Крама, Юлиуса Ван Крама.

— Искать в старых делах?

— Посмотри среди тех, что были лет двадцать назад, а может, еще раньше

— Месье подождет?

Мегрэ сел. Через десять минут работник архива принес ему папку, подписанную «Ван Крам», но в ней было дело какого-то Жозе Ван Крама, чиновника парижской страховой компании, жившего на улице Гренель, которого два года назад посадили за подлог и изготовление фальшивых документов, и было ему только двадцать восемь лет.

— Нет других Ван Крамов?

— Только один, фон Крамм, с двумя «м» на конце, но он умер в Кельне двадцать четыре года назад.

Просматривая список международных преступников и исключая всех, кто никогда не был на Ближнем Востоке и возраст которых не соответствовал возрасту мужа мадам Лабуан, Мегрэ в конце концов дошел до нескольких карточек, одна из которых содержала следующую информацию:

«Ганс Зеглер, он же Эрнст Марк, он же Джон Донлей, он же Джо Оган, он же Иоганн Лемке (настоящие имя и происхождение неизвестны) Специальность — мошенничество Бегло говорит по-французски, английски, немецки, голландски, итальянски и испански.

Немного по польски».

Тридцать лет назад пражская полиция разослала во все страны фотографию некоего Ганса Зеглера, который, действуя с помощью сообщника, обманом и хитростью выманил значительную сумму и скрылся. Ганс Зеглер рассказывал, что родился в Мюнхене и в то время носил светлые усики

В Лондоне этого же самого человека знали как Джона Донлея из Сан-Франциско, в Копенгагене арестовали как Эрнста Марка.

В других странах он проходил под именами — Джо Оган, Жюль Стиб, Карл Шпенглер

Со временем изменился его облик В молодости он был высоким и худым, однако довольно крепким парнем. С возрастом он набирал вес, а вместе с ним авторитет и достоинство.

Одевался с изысканной элегантностью Находясь в Париже, жил в отелях-люкс на Елисейских полях, в Лондоне — в «Савойе». Всегда вращался в наиболее высокопоставленных кругах, пользуясь уже опробованными методами, которыми владел виртуозно.

Никогда не работал один, но о его сообщнике было известно только то, что он был моложе и имел акцент выходца из Восточной Европы.

Они находили себе жертву в каком-нибудь фешенебельном ресторане или баре, человека с деньгами, какого-нибудь промышленника или торговца из провинции. После нескольких бокалов в компании этого простока Иоганн Лемке (или, в зависимости от обстоятельств, Жюль Стиб, или Джон Донлей) начинал жаловаться, что плохо знает страну.

«Можно, конечно, найти достойного человека, — говорил он обычно. На меня возложена хлопотная миссия. Думаю, как мне достойно выполнить ее. Очень боюсь, чтобы кто-нибудь меня не надул».

Фабула рассказа менялась, но суть всегда была одна и та же. Одна страшно богатая старая дама, не чуждая благотворительности, лучше всего американка, если дело было в Европе, поручила ему огромную сумму, которую он должен распределить между небольшой группой заслуживающих этого людей Наличные лежали у него наверху, в номере гостиницы. Но как в совершенно чужой стране узнать, кто заслуживает такого внимания?

Да, правда! Старая дама отметила, что часть суммы, например треть или четверть, можно использовать для компенсации издержек

Может быть, его новый друг — а ведь мы друзья, не так ли? — человек честный и благородный, поможет ему? Понятно, что эта одна треть о которой идет речь, была бы разделена А это неплохая сумма

Но сам он должен иметь гарантии. Если его друг со своей стороны положил бы какую-то часть своих денег в банк, чтобы подтвердить свои добрые намерения...

«Подождите минутку... Нет, лучше пойдемте со мной наверх...».

В комнате лежали деньги. Полный чемодан купюр в толстых пачках.

«Возьмем это и поедем в ваш банк, где вы снимете со счета сумму для залога».

Сумма также менялась в зависимости от страны.

«Положим залог на мой счет, а я вручу вам чемодан. Как только вы распределите деньги, получите свое вознаграждение за услугу».

В такси чемодан с деньгами лежал между ними. Жертва отсчитала «залог». Перед своим «банком», а чаще всего это было большое здание в центре города, Лемке, он же Стиб, он же Зеглер и т. д., оставлял чемодан своему новоиспеченному другу.

«Я быстро».

Выходил с деньгами, которые простак вручал ему как залог и растворялся в толпе у входа. Жертва быстро обнаруживала, что вместо денег в чемодане были пачки газетной бумаги, снизу и сверху обложенные настоящими купюрами.

В большинстве случаев, когда удавалось его арестовать, этот человек не имел при себе

ничего компрометирующего. Добыча исчезала, будучи переданной помощнику в толпе у входа в «банк».

В одном дополнении, которое было прислано датской полицией, значилось:

«Это может быть гражданин Голландии по имени Юлиус Ван Крам, родом из Гронингена. Из добропорядочной семьи 20-летним юношей работал в одном из амстердамских банков, которым управлял его отец. Уже тогда владел несколькими языками, имел хорошее образование и был членом яхт-клуба в Амстердаме.

Через два года он исчез, а вскоре установили, что он прихватил с собой значительную часть банковского капитала.

Не удалось, к сожалению, получить фотографию этого Ван Крама. Не было также отпечатков его пальцев.

Сравнивая даты, Мегрэ сделал еще одно интересное открытие. В отличие от других преступников этот человек редко работал два раза в одном и том же городе за короткий промежуток времени. Готовился долго, целыми неделями, и всегда добыча была значительной.

Проходило несколько лет, пока он появлялся где-то на другом конце света, разыгрывая ту же самую роль, так же ловко и с тем же совершенством в каждой детали.

Не говорило ли это о том, что следующую акцию он планировал только тогда, когда улов подходил к концу? Может, складывал что-то на черный день? Где же он прятал деньги?

Последний раз он работал шесть лет назад в Мексике.

— Можно тебя на минуту, Люка?

Молодой инспектор изумленно посмотрел на забаррикадировавшегося папками комиссара.

— Я хотел бы, чтобы ты дал несколько телеграмм. Но пошли сначала кого-нибудь к вдове Кремье на улицу Клиши со словесным портретом этого мошенника, чтобы удостовериться, что именно этого мужчину она видела на фотокарточке в сумочке своей квартирантки.

Комиссар передал Люка список стран, где работал Ван Крам, и список фамилий, под которыми его там знали.

— Позвони также Ферэ в Ниццу. Пусть еще раз сходит к мадам Лабуан и попробует узнать у нее точнее, когда именно и из каких городов приходили деньги от Ван Крама. Сомневаюсь, чтобы она хранила квитанции, но нужно использовать и этот шанс.

Неожиданно Мегрэ замолчал.

— Никаких известий о Лоньоне?

— Он должен позвонить?

— Кто его знает. Соедини меня с его квартирой. Трубку взяла мадам Лоньон.

— Ваш муж не вернулся?

— Еще нет. Неужели месье не знает, где он?

Она была взволнована. Мегрэ тоже начинал беспокоиться.

— Допускаю, — сказал Мегрэ, чтобы она не нервничала, — что по делам следствия он был вынужден выехать из города.

Слово «следствие» он употребил специально, чтобы не выслушивать целого потока жалоб мадам Лоньон на то, что он взваливает на ее мужа самую неблагоприятную и опасную работу.

Не мог же он ей рассказать, что когда Лоньон попадал в разные переделки, это всегда было следствием его собственной инициативы и нарушения полученных инструкций. Он так старался сделать все наилучшим образом, так хотел отличиться, что бросался вперед с закрытыми глазами, каждый раз глубоко уверенный, что теперь обязательно узнает то, ради чего стоило...

Он не должен был никому ничего доказывать и был единственным, кто этого не

понимал.

Мегрэ позвонил во 2-й комиссариат. Там тоже ничего не знали о Лоньоне.

— Никто не видел его где-нибудь в городе?

— Ничего о нем неизвестно.

В соседней комнате Люка, пославший уже кого-то из инспекторов на улицу Клиши, передавал по телефону телеграммы. Стоящий на пороге Жанвье ждал, когда Мегрэ положит трубку, чтобы получить указания.

— Комиссар Приоле хочет вас видеть, патрон. Он заходил к вам, но вас не было.

— Я был наверху.

Мегрэ зашел к Приоле, который допрашивал какого-то торговца наркотиками с запавшими от кокаина ноздрями и красными глазами.

— Не знаю, интересно ли тебе это будет... Может, уже знаешь откуда-нибудь? Сегодня утром мне сообщили, что Жанна Арменье долго снимала комнату на улице Понтье.

— А номер дома?

— Не знаю. Недалеко от улицы де Берри, на первом этаже — бар.

— Спасибо. Что нового о Сантони?

— Ничего. Не думаю, чтобы за ним что-то числилось. Воркует там себе во Флоренции.

Мегрэ нашел Жанвье в комнате инспекторов.

— Бери пальто и шляпу.

— Куда едем?

— На улицу Понтье.

Не исключено, что там они узнают что-то еще об убитой девушке. Она еще занимала мысли Мегрэ. Но исчез этот проклятый Лоньон который начинал играть важную роль. К сожалению, трудно пока было предвидеть какую.

— Тот, кто первым сказал: «Не высовывайтесь», — был прав — буркнул комиссар, надевая пальто.

Было маловероятно, что Растяпа все еще таскался по городу, прове ряя один адрес за другим. Ведь еще вчера в пять вечера, насколько можно было предполагать (а пути и образ мыслей Лоньона были неисповедимы), ведь еще вчера он не имел никакого следа.

Уходя из отдела, Мегрэ заглянул в комнату инспекторов.

— Пусть кто-нибудь на всякий случай обзвонит все вокзалы и узнает, не видел ли кто, как Лоньон садился в поезд.

Например, вслед за тем, за кем следил. Это было возможно, в такой ситуации у него просто могло не быть времени позвонить в комиссариат или домой.

Но это значит, что в распоряжении Растяпы есть сведения, которых они не имеют.

— Едем, патрон?

— Ладно.

Хмурый Мегрэ остановился на площади Дофин, чтобы выпить стаканчик.

Неправда, что он завидует Лоньону. Если бы Растяпе удалось найти убийцу Луизы Лабуан, все было бы в порядке. Если бы Лоньон его арестовал, Мегрэ первым бы крикнул: «Браво!».

Но, черт его побери, он мог бы, как каждый нормальный человек, дать знать о себе!

Глава седьмая

Об инспекторе, который опережает всех, и о девушке, идущей на свидание с судьбой

Когда Жанвье зашел в дом, чтобы справиться, не здесь ли жила Жанна Арменье, Мегрэ, засунув руки в карманы, стоял на краю тротуара и думал, что улица Понтье выглядит, как кулисы или черный ход Елисейских полей. Каждая большая парижская артерия имеет такую,

часто идущую параллельно, но более узкую и оживленную улочку, на которой находятся маленькие бары и продуктовые магазинчики, шоферские закусовые и дешевые гостиницы, парикмахерские салоны и десятки разных мастерских.

Был тут и небольшой винный погребок, и Мегрэ уже было собирался зайти, как появился Жанвье.

— Это здесь, патрон.

Сразу нашли нужный дом. Жилище консьержки было такое же темное, как и большинство парижских квартир, но его обладательница выглядела молодо, аппетитно, а ухоженный карапуз агукал в люльке из лакированного дерева.

— Господа тоже из полиции?

— Почему мадам говорит «тоже»?

— Потому что вчера вечером тут был один полицейский. Я как раз ложилась спать. Низенький человек с грустным лицом, простуженный. Похоже, что он очень страдает после смерти жены.

Трудно было без улыбки слушать это описание Растяпы.

— Который был час?

— Почти десять. Я уже раздевалась за ширмой и попросила, чтобы он подождал. Господа по тому же поводу?

— Думаю, что он спрашивал вас о мадемуазель Арменье?

— Да, и об ее подружке, которую убили.

— Вы узнали ее по фотографии в газете?

— Да.

— Она жила здесь?

— Пожалуйста, садитесь. Вы позволите, я продолжу готовить завтрак малышу? Если господам слишком жарко, попрошу без церемоний — снимайте ваши пальто.

А через минуту спросила:

— Господа из другого отдела? Не из того, что вчерашний месье? Сама не знаю, зачем спрашиваю. Это не мое дело. Как уже рассказала вашему коллеге, настоящей жилицей, то есть той, на чье имя была снята квартира, была мадемуазель Арменье, мадемуазель Жаннет, как я ее называла. Она только что вышла замуж. Об этом писали в газетах. Вы ведь знаете?

Мегрэ кивнул головой.

— Она долго здесь жила?

— Около двух лет. Когда приехала, была совсем молоденькая и непрактичная и часто приходила ко мне за советом.

— Она где-нибудь работала?

— В то время была машинисткой в какой-то фирме, недалеко отсюда, не знаю точно где. Снимала маленькую квартирку на четвертом этаже, хорошую, несмотря на вход со двора.

— Подружка жила с ней?

— А как же! Только, как я говорила, платила за квартиру Жанна и договор был на ее имя.

Женщина говорила охотно и бойко. Ей это было легко, так как, по гути дела, она повторяла то, что вчера уже рассказывала.

— Знаю, о чем вы сейчас спросите. Съехали они полгода тому назад. Точнее, мадемуазель Жаннет уехала первой. Это было под конец месяца. Оставалось три-четыре дня. Однажды вечером она вошла, села вот здесь, где вы сидите, и сказала: «С меня хватит, мадам Марсель. Пора положить этому конец».

Мегрэ спросил:

— С чем это она хотела покончить?

— С этой ее подружкой Луизой.

— Не поладили?

— Вот об этом хотела бы рассказать поподробнее. Мадемуазель Луиза никогда не заходила со мной поболтать, и я не знаю о ней почти ничего, кроме того, что говорила ее подружка, так что знаю мнение только одной стороны. Сначала думала, что они сестры или кузины, либо знакомы с детства. Потом Жанна рассказала, что они просто-напросто познакомились в поезде два или три месяца назад.

— Значит, не ладили...

— И да, и нет. Трудно сказать. Здесь жило много девушек в их возрасте. Живут, например, двое, которые выступают в «Лидо». Есть маникюрша из гостиницы «Клэридж». Большинство делится со мной своими радостями и заботами. И мадемуазель Жаннет тоже. Зато та, другая, мадемуазель Луиза, никогда ничего не рассказывала. Я сначала думала, что она гордая, а потом решила, что ее гонор был от робости.

Видите ли, когда эти девчонки приезжают в Париж и чувствуют себя брошенными на произвол судьбы среди миллионов людей, то либо начинают демонстрировать свою взрослость и самостоятельность, либо замыкаются в себе.

Жаннет относилась к первым. Ее ничего не пугало. Уходила почти каждый вечер. Через несколько недель уже возвращалась в два три часа ночи. Научилась одеваться. Жила здесь совсем мало времени когда я услышала, что она поднимается наверх с мужчиной. Меня это не касается. Это же не пансионат!

— Каждая из них имела свою комнату?

— Да. Но что с того? Луиза и так все слышала, а по утрам нередко ждала, когда мужчина выйдет, чтобы умыться и пойти на кухню.

— Это было поводом для ссор?

— Не знаю. За два года могло все произойти, а у меня двадцать две квартирантки. Я не могла предусмотреть, что одну из них убьют.

— Чем занимается ваш муж?

— Метрдотель в ресторане на площади Терн. Вам не помешает если я покормлю малыша?

Она посадила карапуза на высокий стульчик и, не теряя времени начала кормить его из ложечки.

— Я рассказала вчера все вашему коллеге, а он все записывал. Если вы хотите знать мое мнение, то мадемуазель Жаннет хорошо знала, чего хочет, и должна была достичь цели любой ценой. Не зналась абы с кем. Большинство тех господ, которых она принимала, имели свои автомобили, я видела их по утрам около дома, когда выставляла контейнеры с мусором. Они не всегда были молодые, но и не старые. Она думала не о любви, а о будущем.

Когда она меня о чем-нибудь спрашивала, я всегда догадывалась, что она собирается делать. Например, если ей назначали свидание в ресторане, который она не знала, старалась выведать, ресторан-люкс это или нет. От этого зависело, как одеваться. Через полгода она уже знала некоторые рестораны в Париже, как свой карман.

— Она никогда не брала с собой подружку?

— Только в кино.

— А что Луиза делала вечерами?

— Обычно сидела дома. Иногда шла на короткую прогулку, но никогда не уходила далеко, будто чего-то боялась. Я знала много девушек этого возраста, но по сравнению с ними Луиза была совсем ребенком. Это доводило Жаннет до отчаяния. Как-то раз она сказала мне: «Лучше бы я уснула тогда в поезде, чем с ней болтать!»

Но я уверена, что Жанна была довольна, особенно на первых порах, что ей есть с кем поговорить. Быть может, месье тоже заметил, что все девчонки, которые приезжают в Париж искать счастья, обычно держатся по двое. А потом уже всякое бывает...

Так было и теперь. И случилось это довольно быстро, потому что Луиза не могла ни к чему приспособиться и никогда не работала нигде дольше нескольких недель. У нее не было

нормального образования. Думаю, что писала с ошибками, что не позволяло ей устроиться на конторскую работу. Когда ей удавалось найти место продавщицы, с ней всегда что-то случалось: если не хозяин хотел с ней переспать, так управляющий.

Вместо того, чтобы вежливо им объяснить, что с ней у них ничего не выйдет, вспыхивала, давала пощечины, выбегала, хлопая дверью. Однажды, когда в магазине начались кражи, подозрение пало на нее, хотя она была чиста, как слеза.

Естественно, я все знаю от ее подруги. Помню еще, что долгое время Луиза была без работы. Тогда она выходила из дома позднее обычного и ходила по адресам, которые находила в газетах.

— Ели они у себя наверху?

— Пожалуй, за исключением тех дней, когда Жанну приглашали ее приятели. В прошлом году неделю они провели в Довиле. Точнее, уехали вместе, но младшая, то есть мадемуазель Луиза, вернулась первая. Жаннет приехала на два дня позже. Не знаю, что там случилось. Некоторое время не разговаривали, но потом помирились.

Луизе приходили какие-нибудь письма?

— Да. Но никогда личные. Я была уверена, что она сирота. А Жанна как-то сказала, что у Луизы есть мать где-то на юге, полусумасшедшая, которая ее совсем не искала. Временами, когда Луиза письменно отвечала на объявления, она получала ответы на фирменных бланках.

— А Жанна?

— Каждые две или три недели получала письмо из Лиона. У нее там отец, недавно овдовевший. Последнее время по пневматической почте получала приглашения на свидания.

— Как давно Жанна решила расстаться с подругой?

— Начала об этом говорить еще год назад, а может, и полтора. Но речь об этом заходила тогда, когда ссорились или когда Луизу в очередной раз увольняли с работы. Тогда Жаннет вздыхала: «Я думала, что уеду от отца и буду свободной, а тут села мне на шею эта идиотка!».

Но думаю, что на следующий день была довольна, что кто-то есть рядом. Это как в семье. Вы, наверное, женаты?

— Жанна Арменье уехала отсюда полгода назад, не так ли?

— Да. В последнее время она очень изменилась, стала лучше одеваться, то есть носила дорогие платья, ходила в гораздо лучшие рестораны, чем раньше. Иногда исчезала на два-три дня. Получала цветы, бом-боньерки фирмы «Маркиза де Савиньи». Все понятно! Однажды пришла ко мне и сообщила: «Ухожу, мадам Марсель. Здесь мне хорошо, но не могу же я всю жизнь прожить с Луизой!». «Не выходите ли вы замуж?» — пошутила я. А она серьезно шепнула: «Не сейчас. Но вы узнаете об этом из газет». Наверное, уже была знакома с месье Сантони. Была очень уверена в себе и улыбнулась со значением. Я продолжала дальше в том же духе: «Вы пригласите меня на свадьбу?» «Этого не обещаю, но пришлю вам что-нибудь в подарок».

— И как, выполнила обещание? — спросил Мегрэ.

— Еще нет. Но она это сделает. Как бы то ни было, она добилась своего и проводит медовый месяц в Италии. В тот же приход Жанна сказала мне, что уезжает, не говоря об этом подруге, и постарается сделать так, чтобы Луиза ее не нашла. «А то опять ко мне привяжется».

Сделала так, как говорила. Дождалась, когда та ушла, собрала свои два чемодана и, для большей надежности, даже мне не оставила адрес. «Буду заходить справляться, нет ли для меня писем».

— Вы видели ее после этого?

— Три или четыре раза. Квартира была еще оплачена. В последний день Луиза пришла ко мне и сказала, что вынуждена переехать. Признаюсь, мне было ее жаль. Не плакала, но когда это говорила, у нее дрожали губы и было видно, как она огорчена. Весь багаж —

маленький голубой чемоданчик. Я спросила, куда она пойдет. Ответила, что не имеет понятия. «Если вы хотите, можете остаться еще на несколько дней, пока не въедет новый жилец...» «Большое спасибо, нет...»

Это было на нее похоже. Я смотрела, как она шла по тротуару с чемоданчиком в руке, и, когда скрылась за углом, мне очень захотелось догнать ее и дать немного денег.

— Она еще приходила?

— Да, но не за тем, чтобы увидеться со мной. Просила адрес своей подруги. Я сказала, что сама его не знаю. По-моему, она не поверила.

— Зачем она ее искала?

— Наверное, чтобы опять быть вместе с ней, а может, чтобы попросить денег. Судя по тому, как она выглядела, нетрудно было догадаться, что живется ей плохо.

— Когда она пришла в последний раз?

— Может, месяц назад. На столе лежала газета, которую я как раз читала. Наверное, я не должна была делать того, что сделала. «Не знаю, где она живет, — сказала я, — но о ней пишут в газетах». Это правда. Было написано что-то в этом роде: «У „Максима“ каждый вечер можно встретить Марко Сантони, представителя фирмы по производству вермута, в обществе очаровательной Жанны Арменье».

Мегрэ посмотрел на Жанвье, который понял все без слов. Ровно месяц назад Луиза Лабуан пришла на улицу Дуэ, чтобы взять вечернее платье у «Мадемуазель Ирэн». Конечно, она сделала это с целью попасть к «Максиму», чтобы встретиться с подругой.

— Вы не знаете, увиделись ли они?

— Из этого ничего не вышло. Потом приходила Жанна и, когда я ее об этом спросила, засмеялась: «Да, мы часто ходим к „Максиму“, но не каждый же день! Кроме того, думаю, что туда бедную Луизу просто не пустят».

Мегрэ спросил:

— Это все вы также рассказали инспектору, который был тут вчера вечером?

— Может, не так подробно, так как о некоторых вещах я вспомнила позже.

— Не рассказывали ли вы ему что-нибудь еще?

Мегрэ думал, что из услышанного могло навести Лоньона на какой-то след. Вчера в десять вечера Лоньон был тут, в этой комнате. С тех пор о нем ничего не известно.

— Извините, пожалуйста, я уложу ребенка. Консьержка вытерла малышу ротик, передела его и скрылась с ним в маленькой нише, откуда некоторое время доносился ласковый шепот. Когда она вернулась, лицо у нее почему-то было огорченное.

— Я подумала сейчас, не случилось ли все по моей вине? Если бы девчонки не напускали такой таинственности, насколько все было бы проще. То, что Жанна не оставила мне адрес, так как не хотела, чтобы подружка морочила ей голову, я могу понять. Но Луиза-то могла дать мне свой адрес!

Дней десять назад, а может, больше, не помню точно, пришел какой-то мужчина и спросил, не живет ли здесь некая Луиза Лабуан. Я ответила, что нет, что выехала, но она еще в Париже, что я не знаю ее адреса, но иногда она приходит.

— Что это был за человек?

— Какой-то иностранец. Судя по акценту, англичанин или американец. Но не из богатых, солидных людей. Маленький худой человечек вроде того инспектора, который был тут. Еще, не могу понять чем, но он походил на клоуна. Был очень огорчен, но с пристрастием выпрашивал, не знаю ли я, когда придет мадемуазель Луиза. «Может, завтра, а может, через месяц», — ответила я. «Оставлю ей записку».

Он сел за стол, попросил бумагу и конверт и начал что-то писать карандашом. Я положила конверт в пустую ячейку для писем и совсем забыла о нем.

Когда дня через три этот человек пришел опять, письмо еще лежало на своем месте. Вид у него был еще более огорченный. «Я не могу долго ждать, — сказал он. — Скоро

должен, уехать». Я спросила, важное ли у него дело к Луизе, а он ответил: «Для нее — да. Даже очень».

Забрал письмо и написал другое. Писал он медленно, как будто обдумывал каждое слово. В конце концов, вздохнув, подал мне конверт.

— Больше вы его не видели?

— Нет. Через три дня, после полудня, пришла мадемуазель Жанна. Она была очень возбуждена и сообщила: «Скоро вы прочитаете обо мне в газетах».

Она делала какие-то покупки и вся была нагружена множеством свертков с этикетками лучших магазинов. Я рассказала ей о письме для мадемуазель Луизы и визитах этого человека. «Если бы я только знала, где ее искать...», — сказала она, над чем-то задумавшись. — «Может, будет лучше, если вы его мне дадите, — сказала она наконец. — Насколько я знаю Луизу, она прилетит, не размышляя, как только прочитает в газетах, где меня можно найти...» Я заколебалась, но подумала, что, наверное, она права.

— И отдали ей это письмо?

— Да. Она посмотрела на конверт и положила его в сумочку. И уже с порога сказала: «Скоро получите обещанный подарок, мадам Марсель!»

Мегрэ молчал, опустив голову.

— Это все, что вы рассказали инспектору?

— Пожалуй, так. Но дайте подумать... Нет. Ничего больше не говорила.

— А Луиза больше не приходила?

— Нет.

— И не знала, что ее экс-приятельница имеет для нее письмо?

— Думаю, нет. По крайней мере, я ей об этом не говорила.

За эти пятнадцать минут Мегрэ узнал больше, чем мог предположить. Только след неожиданно обрывался. Он думал о Лоньоне даже больше, чем о Луизе Лабуан. Растяпа начал играть главную роль! Был здесь, слушал ту же историю... А потом его и след простыл.

На его месте каждый, узнав то, что он узнал, позвонил бы сразу же Мегрэ, чтобы сообщить информацию и получить инструкции. Каждый, только не Лоньон! Он хотел действовать сам и действовал с упорством маньяка.

— Мне кажется, месье чем-то огорчен, — сказала внимательная консьержка.

— Инспектор ничего вам не говорил, не высказал никакой тревоги?

— Нет. Поблагодарил меня и ушел. На улице повернул направо.

Что им оставалось, как тоже поблагодарить и уйти? Не спрашивая, хочет ли Жанвье. Мегрэ потащил его в бар, который заметил, когда они сюда приехали, заказал два аперитива и безмолвно выпил свой.

— Будь так добр, позвони во 2-й комиссариат. Может, у них есть новости? Если нет, попробуй поговорить с его женой. Узнай также, не звонил ли он нам.

Когда Жанвье вышел из телефонной кабинки, Мегрэ потягивал из второй рюмки.

— Ничего!

— Вижу только одно объяснение: он звонил в Италию и опять что-то узнал.

— Вы тоже хотите это сделать?

— Да. Но из конторы быстрее дозвонимся.

Когда они появились на набережной Орфевр, почти все инспектора обедали. Мегрэ распорядился принести список флорентийских гостиниц, нашел самые дорогие, и в третьей ему сказали, что чета Сантони остановилась у них. В номере их нет. Полчаса назад спустились в ресторан.

К счастью, метрдотель работал когда-то в Париже и кое-как знал французский.

— Не мог бы я попросить к телефону мадам Сантони?

Вскоре в трубке раздался агрессивный мужской голос:

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы мне объяснили, что значит вся эта

история?

— Кто говорит?

— Марко Сантони. Вчера ночью нас разбудили под предлогом, что парижская полиция требует выяснения каких-то обстоятельств. Сегодня — отрываете от обеда.

— Прошу меня извинить, месье Сантони, это говорит комиссар Мегрэ из уголовной полиции.

— Мне от этого не легче. Что моя жена имеет общего с...

— Против нее ничего нет. Речь идет о том, что одна из ее давних приятельниц убита.

— Что-то такое плел этот тип ночью. Ну и что с того? Это не повод, чтобы...

— Вашей жене дано на хранение письмо. Быть может, оно бы нам позволило...

— И для этого вы звоните целых два раза? Она уже рассказала вашему инспектору все, что знала.

— Инспектор исчез!

— О!

В голосе значительно поубавилось гнева.

— В таком случае я приглашу жену. Надеюсь, что после этого вы оставите ее в покое и позаботитесь, чтобы ее имя не фигурировало в газетах.

В трубке послышался шепот. Скорее всего, Жанна была рядом с самого начала разговора.

— Слушаю!

— Приношу мадам свои извинения. Мадам знает, в чем дело. Консьержка с улицы Понтье дала вам письмо, адресованное Луизе.

— Зачем я его только взяла!

— Что с ним?

В трубке все стихло. Мегрэ даже показалось, что разговор прервался.

— Вы отдали ей письмо тогда, в день свадьбы, в «Ромео»?

— Конечно, нет. Не думаете же вы, что я носила его с собой в такой день?

— Луиза пришла на вашу свадьбу из-за этого письма?

Снова тишина, минута колебания.

— Нет. Она о нем даже не слышала.

— Чего же она хотела?

— Известно чего, денег. Сказала, что у нее нет ни франка, что хозяйка выгнала ее из квартиры, дала мне понять, что ей ничего больше не остается как покончить с собой. Конечно, так конкретно она не сказала. Но она всегда недоговаривала.

— Вы дали ей деньги?

— Три или четыре тысячи. Я не считала.

— Вы сказали ей о письме?

— Да.

— Что вы ей сказали?

— То, что в нем было.

— Вы его прочитали?

— Да.

Снова тишина.

— Месье может мне не верить. Но это не из любопытства. Даже не я его вскрыла. Марко нашел его в моей сумке. Я рассказала ему эту историю, но он не поверил. Тогда я сказала: «Вскрой, сам увидишь». Сдавленным голосом она шепнула мужу, который стоял рядом: «Тихо! Лучше сказать правду! Все равно узнают».

— Вы помните, что там было написано?

— Не дословно. Очень скверно было написано, на плохом французском, со множеством ошибок. Примерно так: «У меня к вам очень важное дело, и я должен срочно с вами

встретиться. Спросите Джимми в баре Пиквика на улице Этуаль. Это я. Если меня там не будет, бармен вам скажет, где меня искать». Вы слушаете меня, месье комиссар?

Мегрэ, записывая, ответил:

— Прошу вас, продолжайте.

— В письме было еще: «Может так случиться, что я не смогу долго оставаться во Франции. В таком случае оставлю все для вас бармену. Чтобы он отдал письмо вам, вы должны будете удостоверить свою личность. Потом вы все поймете».

— Это все?

— Да.

— Вы пересказали мадемуазель Луизе содержание письма?

— Да.

— Она все поняла?

— Не сразу. Потом у нее было такое лицо, как-будто о чем-то задумалась, она поблагодарила и вышла.

— Той ночью о ней не было больше никаких известий?

— Нет. А откуда? Только через два дня, случайно просматривая газеты, я узнала, что ее нет в живых.

— Вы считаете, она пошла в бар Пиквика?

— Возможно. Что бы вы сделали на ее месте?

— Никто, кроме вас и мужа, не знал, что было в письме?

— Не знаю. Письмо пролежало у меня в сумке пару дней.

— Вы жили в отеле «Вашингтон»?

— Да.

— К вам никто не приходил?

— Только Марко.

— Где сейчас это письмо?

— Я положила его куда-то...

— Ваши вещи еще в отеле?

— Конечно, нет. За день до свадьбы я перевезла все к Марко, за исключением туалетных приборов и нескольких платьев, за которыми слуга пришел в день свадьбы. Вы думаете, что это письмо стало причиной ее смерти?

— Не исключено. Неужели она никак не отреагировала?

— Совершенно никак.

— Она никогда не вспоминала о своем отце?

— Когда я спросила о фотографии, которую она носила в портмоне, она ответила, что это ее отец. «Он еще жив?» — спросила я. Она посмотрела на меня, как человек, который хранит страшную семейную тайну, и промолчала. В другой раз, когда разговаривали о родителях, я спросила: «Что делает твой отец?» Она также посмотрела на меня, молча, что было совершенно в ее стиле. Сейчас, когда ее нет, нельзя говорить ничего плохого, но...

Стоящий рядом муж, видимо, дал ей знак, чтобы замолчала.

— Я рассказала вам все, что знаю.

— Благодарю, мадам. Когда вы думаете возвращаться в Париж?

— Через неделю.

Жанвье слушал разговор через отводную трубку.

— Кажется, я знаю, по какому следу побежал Лоньон. — сказал он с едва заметной улыбкой.

— Ты знаешь бар Пиквика?

— Проходил один раз мимо, но ни разу не был.

— Я тоже нет. Ты не голоден?

— Сначала нужно узнать, что случилось с Растяпой.

Мегрэ открыл дверь в соседнюю комнату и спросил у Люка:

— Нет известий от Лоньона?

— Никаких, патрон.

— Если он позвонит, найдешь меня в баре Пиквика на улице Этуаль.

— Мне сейчас нужно идти, патрон. Позвонила хозяйка гостиницы с улицы Абукир. Говорит, что в последнее время была так занята, что не имела ни минуты, чтобы прочитать газету. Короче, сообщила, что Луиза Лабуан жила у нее четыре месяца.

— Когда это было?

— Съехала два месяца назад.

— Наверняка оттуда переехала на улицу Клишн.

— Да. Работала продавщицей в магазине на бульваре Мажента. Это один из тех магазинов, которые продают на улицах остатки товара и уцененные вещи. Девушка работала там почти всю зиму, пока не заболела бронхитом и не слегла.

— Кто за ней ухаживал?

— Никто. У нее был номер на последнем этаже, что-то вроде мансарды. Отель этот — один из самых дешевых, там живут эмигранты с севера Африки.

Теперь почти все темные места были разгаданы. Можно было бы подробно описать всю жизнь девушки с тех пор, как она уехала из Ниццы, до того времени, когда нашла Жанну в «Ромео».

— Ты пойдешь со мной, Жанвье?

Осталось только узнать, чем она занималась свои последние два часа

Таксист видел ее на площади Сен-Огюстен, а потом — идущую в направлении Триумфальной Арки, на углу бульвара Осман и улицы Сен-Оноре. Это был маршрут, по которому нужно было идти на улицу Этуаль.

Луиза не смогла устроить свою жизнь и самым главным для нее была встреча в поезде с незнакомой девушкой, Луиза шла быстро, одна, в дождливую ночь, как-будто спешила навстречу своей судьбе.

Глава восьмая,

все действие которой происходит между людьми, знающими цену словам, и где еще раз говорится о Растяпе

Вход, втиснутый между швейной мастерской и прачечной, по которой сновали работающие там женщины, был таким узким, что большинство прохожих и не подозревало, что здесь бар. Зеленоватые доньшки бутылок, вставленные в рамы вместо стекол, не позволяли заглянуть внутрь. Над дверью замаскированной темно-красными шторами висел старый фонарь, на котором псевдоготическими буквами было написано: «Бар Пиквика».

Как только Мегрэ переступил порог, он сразу изменился — ушел в себя, стал неприступным и официальным. Сопровождающий его Жанвье претерпел подобную же метаморфозу.

В узком и длинном помещении было совершенно пусто. Окна из бутылочного стекла и узкий фасад обеспечивали полумрак, только кое-где деревянные панели отражали уличный свет.

Из-за стойки им навстречу поднялся невидимый от дверей мужчина в рубашке с засученными рукавами. Он что-то ел, кажется, бутерброд, который отложил, и, жуя, посмотрел на вошедших. На его лице было написано совершенное равнодушие. У него были очень черные, почти синие волосы. Густые брови придавали лицу выражение упорства. Глубокая ямка на подбородке походила на шрам.

Казалось, что Мегрэ почти не взглянул на него, но было понятно, что они встречались

не в первый раз и узнали друг друга. Комиссар медленно подошел к высокому табурету, сел, расстегнул пальто и сдвинул шляпу на затылок. Жанвье подражал каждому его движению. Помолчав, бармен спросил:

— Месье выпьет что-нибудь?

Мегрэ, колеблясь, посмотрел на Жанвье:

— А ты?

— Как вы, патрон.

— Два аперитива, если у тебя есть.

Бармен налил бокалы, поставил на прилавок из красного дерева графин воды со льдом и замер. Казалось, они играют в игру: кто дольше промолчит.

Первым нарушил молчание комиссар:

— Во сколько тут был Лоньон?

— Я не знал, что его зовут Лоньон. Всегда слышал, как его называли Растяпой.

— Так во сколько?

— Может, в одиннадцать. Я не смотрел на часы.

— Куда ты его отправил?

— Никуда.

— Что ты ему сказал?

— Отвечал на его вопросы.

Мегрэ брал одну за другой оливки с подноса и жевал их с отсутствующим видом.

С самого начала, когда они только вошли и бармен встал из-за стойки, комиссар узнал в нем Альберта Фалькони — корсиканца, которого он уже два раза сажал за решетку за организацию подпольного игорного дома, а однажды — за контрабанду золота в Бельгию. В свое время Фалькони подозревался в том, что прикончил на Монмартре одного из членов марсельской мафии, но из-за недостатка доказательств его освободили. Было ему около тридцати пяти.

Обе стороны обходились без лишних слов. Они были профессионалами, каждый в своей области, и все слова были тщательно продуманы и имели точное значение, исключаящее двусмысленность.

— Читая во вторник газеты, ты узнал эту девушку? Альберт продолжал пристально смотреть на комиссара.

— Сколько посетителей было в заведении, когда она пришла сюда в понедельник вечером?

Взгляд Мегрэ бродил по залу. В Париже много таких мест. Если зайдешь сюда днем, то не увидишь ни души и, естественно, задумаешься, не терпит ли владелец убытки. Но по вечерам здесь яблоку негде упасть, потому что собираются постоянные посетители, люди одного круга и чаще всего из одного квартала.

Утром Альберт никогда не открывал. Похоже, он только что пришел и еще не закончил расставлять бутылки. Зато вечером все столики были заняты и с трудом можно было пройти около стены. В глубине зала была видна лестница, ведущая вниз.

Казалось, что бармен считает глазами табуреты.

— Все на месте, — буркнул он себе под нос.

— Это было между двенадцатью и часом ночи?

— Ближе к часу.

— Раньше ты ее видел?

— Была тут в первый раз.

Наверное, все повернулись к Луизе и с любопытством на нее глазели. Если тут и бывали женщины, то только проститутки, а они выглядят совсем не так, как эта девушка. Ее бедное голубое платье, бархатная, не на нее сшитая накидка должны были произвести здесь сенсацию.

— Что она сделала?

Альберт нахмурил брови, как бы пытаясь вспомнить.

— Села.

— Где?

Он вновь посмотрел на табуреты.

— Как раз там, где сидит месье. Было только одно свободное место.

— Что пила?

— Бокал мартини.

— Сразу заказала мартини?

— Когда я спросил, что подать.

— А потом?

— Долго сидела молча.

— У нее была сумочка?

— Положила ее на стойку. Сумочка была вышита серебром.

— Лоньон спрашивал о том же самом?

— Немного в другой последовательности.

— Давай дальше.

— Предпочитаю отвечать на вопросы.

— Спросила, есть ли для нее письмо?

Альберт кивнул головой.

— Где оно было?

Бармен медленно повернулся и показал место между двумя бутылками, которые были не в ходу. Там стояло несколько конвертов, адресованных посетителям бара.

— Здесь.

— Отдал ей письмо?

— После того, как показала удостоверение личности.

— Зачем?

— Так было приказано.

— Кто велел?

— Тот тип.

Он делал паузу перед каждым ответом, а в промежутках старался предугадать следующий вопрос, и это было заметно.

— Джимми?

— Да.

— Ты знаешь его фамилию?

— Нет. В барах к людям редко обращаются по фамилии. — Особенно в таких.

Брюссель... Я посоветовал ему, чтобы ехал из Парижа в Сен-Дени, потом через Компьень и...

— Это все?

— Да. Где-то за час, до того, как пришла эта малютка, он снова начал о Брюсселе. В этот раз хотел узнать, какой там лучший отель. Я ответил, что сам всегда останавливаюсь в «Паласе», напротив Северного вокзала.

— Во сколько ты рассказал об этом Лоньону?

— Около часа. С ним дело не шло так быстро, как с месье. Я тогда еще обслуживал посетителей.

— У тебя есть расписание поездов?

— Если вы интересуетесь поездами до Брюсселя, то нет проблем. Инспектор спустился вниз, чтобы позвонить на вокзал. Ночью уже не было поездов. Первый отходил в пять тридцать утра.

— Он сказал тебе, что собирается ехать?

- Он не обязан был мне ничего говорить.
- Как ты думаешь, что он делал до пяти утра?
- А что бы вы делали?

Мегрэ задумался. Оба иностранца жили где-то поблизости и оба захаживали в бар Пиквика.

— Думаешь, Лоньон обошел все близлежащие отели?

— Кажется, это месье проводит следствие, разве нет? Почему я должен отвечать за то, что наделал Растяпа?

— Жанвье, спустись вниз и позвони в Брюссель. Спроси в «Паласе» не остановился ли у них Лоньон. Должен был появиться там около половины десятого. Может быть, все еще ждет там американца с его машиной.

Пока инспектор звонил, Мегрэ сидел молча. Альберт, считая разговор законченным, принялся доедать свой завтрак.

Мегрэ не тронул второй бокал, но доел все оливки. Сидел, уставившись в глубину бара, смотрел на стоящие ровно стулья, на спускающиеся вниз ступеньки. Казалось, он видит их всех. Всех, кто был здесь в понедельник вечером, когда в голубом платье и бархатной пелеринке, с вышитой серебром сумочкой в руке, появилась в дверях Луиза.

На лбу у него появилась глубокая складка. Пару раз он было открывал рот, чтобы что-то сказать, и оба раза передумывал.

Прошло минут десять Бармен имел достаточно времени, чтобы закончить завтрак, смести со столика крошки хлеба и допить кофе. Затем он взял сомнительной чистоты тряпку и принялся стирать пыль со стоящих на полке бутылок В это время появился Жанвье.

— Лоньон у телефона, патрон. Поговорите с ним.

— Это лишнее. Скажи ему, чтобы возвращался.

Жанвье заколебался. Он не верил своим ушам. Он смотрел на комиссара, словно спрашивал: «А вы хорошо подумали, патрон?» Потом привычка подчиняться Мегрэ все-таки взяла верх и, повернувшись на каблуках, он бросил.

— Ладно.

Альберт будто не слушал, о чем они говорят, но лицо его окаменело. Он отрешенно перетирал бутылки и, хотя стоял спиной к комиссару, отлично видел его лицо в зеркальце между полками

Когда Жанвье вернулся, Мегрэ спросил его:

— Ну как, протестовал?

— Начал было что-то доказывать, но не закончил и смирился: «Если это приказ.»

Мегрэ слез со стула, запахнул пальто.

— Собирайся, Альберт, — коротко сказал он.

— Что?

— Я сказал: собирайся. Поедем на набережную Орфевр, Бармен, казалось, не понимал:

— Я не могу оставить бар...

— Неужели у тебя нет ключа?

— Чего месье от меня хочет? Я рассказал все, что знаю.

— Хочешь, чтобы тебя повели силой?

— Иду. Но...

Всю дорогу он молча сидел один на заднем сиденье. Смотрел прямо перед собой, как человек, который старается что-то понять, но не может. Жанвье тоже молчал. Мегрэ попыхивал трубкой.

— Вылезай.

Комиссар приказал ему идти вперед. Идя за ним, спросил помощника:

— Сколько сейчас в Вашингтоне?

— Должно быть, восемь.

— Закажи разговор. Пока соединят, будет около девяти. Свяжись с ФБР. Если Кларк на месте, пусть его пригласят. Я хотел бы с ним поговорить.

Комиссар медленно снял пальто и шляпу.

— Раздевайся.

— Месье может объяснить мне, в чем дело?

— Сколько времени ты провел здесь, когда мы беседовали о золотых слитках?

Альберту не пришлось долго вспоминать:

— Четыре часа.

— Утром во вторник ты ничего не заметил в газетах?

— Фотографию девушки.

— Там была еще одна фотография — трех пройдох, которых называли дыроколами.

Признались в три часа ночи. А сидели в этой комнате долго — тридцать часов.

Мегрэ сел и начал раскладывать на столе свои трубки, будто хотел выбрать лучшую.

— А ты раскололся через четыре часа. Мне-то все равно. Нас тут много, мы можем меняться. И времени у нас сколько угодно. Он набрал номер пивной «Дофин».

— Это Мегрэ. Не могли бы вы прислать бутерброды и пива. На сколько человек?..

Мегрэ вспомнил, что Жанвье тоже не завтракал.

— На двоих. Да, сейчас. Ладно, четыре светлого.

Закурив трубку, Мегрэ подошел к окну и стал наблюдать за машинами и пешеходами на мосту Сен-Мишель.

Альберт достал сигарету, закурил тоже, стараясь унять дрожь в пальцах. Он тянул время, взвешивая все «за» и «против».

— Что вы хотите узнать?

— Все.

— Я сказал правду.

— Нет.

Мегрэ даже не повернулся, чтобы на него посмотреть. Могло показаться, что стоит человек, которому больше нечего делать, как покуривать трубочку и внимательно изучать уличное движение.

Альберт замолчал. Он молчал так долго, что посыльный из пивной Уже принес поднос и поставил его на край стола.

Мегрэ открыл дверь в комнату инспекторов:

— Жанвье! Жанвье явился.

— Соединят минут через двадцать.

— Бери. Это нам принесли.

И одновременно дал ему знак, чтобы пошел есть в свою комнату. А сам сел поудобнее и тоже занялся едой. Они поменялись ролями. Теперь ел Мегрэ, а Альберт смотрел.

Казалось, что комиссар совершенно забыл о нем, что он целиком поглощен едой и пивом. Взгляд его бродил по разложенным на столе бумагам.

— Вы настаиваете на своем, месье?

Мегрэ кивнул с полным ртом.

— Месье думает, что я расколюсь?

Мегрэ пожал плечами, давая понять, что ему это безразлично.

— Почему вы дали приказ Растяпе возвращаться?

Мегрэ усмехнулся.

Альберт с бешенством раздавил в руке сигарету. Наверное, обжег себе пальцы, потому что выругался:

— Дерьмо!

Он не мог сдержать волнения. Встал, подошел к окну и, прижав лоб к стеклу, стал смотреть на улицу. Потом он решительно повернулся. Его нервозность исчезла, напряжение

спало. Без разрешения он глотнул пива из стоящей на подносе кружки, вытер рот и сел. Это была последняя демонстрация характера и независимости.

— Как вы догадались?

Мегрэ спокойно ответил:

— Я не догадывался. Я знал это с самого начала.

Глава девятая,

в которой оказывается, что лестница может играть важную роль, а дамская сумочка — еще более важную

Мегрэ попыхивал трубкой и молча смотрел на Альберта. Можно было подумать, что он держит паузу, как актер, чтобы придать больший вес словам, которые произнесет через мгновение. Но он не играл. Лицо бармена расплылось у него перед глазами. Мыслями комиссар был с Луизой Лабуан. Все то время, проведенное в баре на улице Этуаль, пока Жанвье ходил вниз звонить, Мегрэ пытался вообразить себе, как она заходит в переполненный бар, одетая в бедненькое вечернее платье и бархатную, не подходящую к платью, накидку.

— Видишь ли, — заговорил он в конце концов, — на первый взгляд твоя история безупречна, слишком правдоподобна, и я бы в нее поверил, если бы не знал эту девушку.

Удивленный Альберт не мог удержаться от вопроса:

— Так вы ее знали?

— Сейчас могу сказать, что знаю ее хорошо.

Даже сейчас, говоря это, комиссар видел, как она прячется под кроватью у мадемуазель Поре, как ссорится с Жанной Арменье в квартирке на улице Понтье. Он ходил вместе с ней из скучной комнатенки на улице Абукир в магазин на бульваре Мажента, где она работала на улице при любой погоде.

Он мог бы дословно повторить каждую фразу о ней. И то, что рассказала консьержка, и то, что поведала вдова Кремье.

Он видел, как она входит к «Максиму» и как через месяц пробирается между веселыми гостями в «Ромео».

— Во первых, она не села около стойки. Чувствовала себя не в своей тарелке, так как все глазели на нее. Сразу было видно, что на ней поношенное платье.

Во-вторых, она не заказывала мартини. Это твоя ошибка. Ты думал, что она такая же, как все твои посетительницы, и когда я спросил, что она пила, ты без колебаний ответил: «Мартини».

— Она ничего не пила, — признался Альберт.

— Она также не спускалась вниз, чтобы прочитать письмо. В таких барах, как твой, куда приходят только завсегдатаи, над лестницей нет никакой надписи. А если бы она и была, я сомневаюсь, что девушка набралась бы храбрости идти на виду у толпы подвыпивших мужчин.

Газеты не опубликовали подробные результаты вскрытия. Было написано только, что в желудке убитой находился алкоголь, но не уточнялось, что это был ром. А коктейль «мартини» делается из джина и вермута.

Мегрэ не торжествовал. И быть может, потому, что думал о Луизе. Говорил вполголоса, как бы самому себе:

— Ты отдал ей письмо?

— Отдал.

— Хочешь сказать, конверт?

— Да.

— А в нем был лист чистой бумаги?

— Да.

— Когда ты открыл письмо?

— Когда убедился, что Джимми сел в самолет, улетающий в Штаты.

— Ты ездил за ним в аэропорт?

— Да.

— Зачем? Ты еще не был в курсе дела?

— Если выпущенный из тюрьмы человек путешествует через океан только для того, чтобы сообщить девчонке какое-то известие, там должно быть что-то важное.

— Письмо у тебя?

— Я его уничтожил.

Мегрэ верил, что Альберт уже не лжет.

— Что было в письме?

— Что-то в этом роде: «Может быть, до сих пор я мало о тебе заботился, но когда-нибудь ты поймешь, что это только ради тебя. Что бы ни говорили, не суди меня сурово. Каждый сам выбирает себе дорогу, часто тогда, когда еще не может понять, что хорошо, а что плохо, а потом бывает уже поздно.

Можешь доверять тому, кто отдаст тебе это письмо. Когда ты получишь его, меня уже не будет в живых. Пусть это тебя не огорчает, я уже в том возрасте, когда пора умирать.

Успокойся, так как с этого времени ты забудешь, что такое нищета. Как только сможешь, получи заграничный паспорт и поезжай в США Бруклин — одно из предместий Нью-Йорка, ты, наверное, проходила это в школе. Там, по адресу, указанному ниже, найдешь маленькую швейную мастерскую. Хозяин ее — поляк по фамилии...

Альберт замолчал Мегрэ жестом приказал ему продолжать

— Не помню...

— Нет, помнишь.

— Ладно! ...по фамилии Лукашек. Пойдешь к нему. Покажешь ему свой паспорт, и он даст тебе значительную сумму наличными...»

— Это все?

— Там было еще что-то сентиментальное, но я не запомнил.

— Помнишь адрес?

— Да. Тридцать седьмая улица, № 1214.

— Кого ты втянул в это дело?

Альберт снова замолчал, но Мегрэ не спускал с него сурового взгляда.

— Я показал письмо приятелю.

— Кому?

— Бьянки.

— Он все еще живет с Большой Жанной?

Полиция подозревала, что Бьянки встал во главе корсиканской мафии. Мегрэ арестовывал его добрых десять раз, но только один раз удалось довести дело до суда. Тогда ему дали пять лет.

Комиссар встал и открыл дверь в соседнюю комнату.

— Там есть Торранс?

Через минуту молодой инспектор появился на пороге.

— Возьми с собой двоих или троих. Но сначала узнай, живет ли еще Большая Жанна на улице Лепик. Есть шанс, что у нее ты найдешь Бьянки. Если там его нет, постарайся как-нибудь узнать, где его найти. Будь осторожнее — он вооружен.

Альберт слушал это с равнодушным видом.

— Давай дальше.

— Что вы еще от меня хотите?

— Бьянки не мог послать в Штаты кого попало, чтобы пойти к Лукашеку и взять деньги. Он понимал, что поляк имеет четкие указания и потребует паспорт.

Это было так очевидно, что Мегрэ не требовались подтверждения.

— Вы ждали, когда она появится в баре.

— Мы не собирались ее убивать.

Альберт удивился, услышав ответ комиссара.

— Я в этом уверен.

Они были профессионалами и не любили лишнего риска. Им нужно было только ее удостоверение личности. Если бы его добыли, нашли бы исполнительницу, которая выступила бы под именем Луизы Лабуан.

— Бьянки был у тебя в баре?

— Да.

— Она ушла, не вскрывая письма?

— Да.

— Твой шеф оставил машину у входа?

— За рулем был Татуированный.

— Вы поехали за ней?

— Меня с ними не было. О том, что было дальше, знаю только с их слов. Татуированного не нужно искать в Париже. После того, что случилось, он наложил в штаны и дал ходу.

— В Марсель?

— Не исключено.

— Они хотели украсть ее сумочку?

— Да. Догнали ее. В тот момент, когда поравнялись, Бьянки выскочил из машины. Улица была пуста. Он схватил сумочку, не подозревая, что она была пристегнута цепочкой к запястью. Девушка упала на колени. Видя, что она собирается кричать, Бьянки ударил ее по лицу. Она схватилась за него, пыталась звать на помощь. Тогда Бьянки достал дубинку и прикончил ее.

— Историю со вторым американцем ты придумал, чтобы отделаться от Лоньона?

— А что бы вы сделали на моем месте?

Растяпа проглотил эту информацию.

Большую часть следствия инспектор шел намного впереди всей уголовной полиции. И если бы он очень внимательно и чутко проникся особенностями психики этой двадцатилетней девушки, его ждал бы успех, которого он ждал так долго, что начал уже сомневаться в его достижимости.

О чем он сейчас думал, сидя в поезде, везущем его обратно в Париж? Конечно, он проклинал свою судьбу, уверенный больше, чем когда-либо, что весь мир против него. С точки зрения техники следствия, он не сделал ни одной ошибки. Но ведь ни на одних курсах для полицейских не учили, как влезть в душу девушки, которую воспитывала в Ницце полусумасшедшая мамаша.

Всю свою недолгую жизнь Луиза упорно и безуспешно искала теплое место под солнцем. Она не могла понять этого сложного мира и отчаянно привязалась к первой попавшейся девушке, которая оставила ее с носом. Она в одиночестве пыталась противостоять обществу, правила игры которого пыталась безуспешно выучить. Неужели она ничего не знала о своем отце? Когда была маленькая, наверное, спрашивала себя, почему ее мать не такая, как у других, почему они живут не как все?

Она пробовала приспособиться. Убежала из дома. Читала объявления о найме. Но Жанна Арменье без труда нашла себе работу, а ее выгоняли отовсюду. Неужели, она, как Лоньон, в конце концов дошла до мысли, что все против нее?

Почему Мегрэ казалось, что она была не такая, как все? Почему эта история должна

была случиться именно с ней? Даже ее смерть была иронией судьбы. Если бы цепочка вышитой серебром сумочки не закреплялась вокруг запястья, Бьянки вырвал бы сумочку, и машина отъехала бы на полном ходу. Если бы она рассказала эту историю в полиции, ей бы не поверили.

— Зачем труп привезли на площадь Вэнтимиль?

— Во-первых, его нельзя было оставлять около моего бара. Во-вторых, судя по одежде, она жила на Монмартре. А так — выбрали первое попавшееся безлюдное место.

— Они уже послали кого-то в американское посольство?

— Думаю, нет. Ждут.

— Патрон! Инспектор Кларк у телефона.

— Переключи сюда.

Речь шла только об уточнении некоторых фактов, и скорее из интереса Мегрэ хотел задать своему коллеге из ФБР несколько вопросов.

Как всегда, когда он общался с Кларком, разговор велся на плохом английском языке Мегрэ и на таком же скверном французском американца. Причем каждый старался говорить на языке своего собеседника. Чтобы Кларк понял, о чем речь, Мегрэ должен был перечислить все имена Юлиуса Ван Крама: Лемке, Стиб, Зеглер, Марк, Шпенглер, Донлей...

Как Донлея его похоронили месяц назад на внутреннем кладбище Синг Синга, где он отбывал восьмилетний срок за мошенничество.

— Деньги нашли?

— Только небольшую часть.

— А сколько их было?

— Около ста тысяч долларов.

— Его сообщника звали Джимми?

— Джимми О'Малли. Отсидел три года, освобожден два месяца тому назад.

— Он совершил недавно маленькую экскурсию во Францию.

— А я был уверен, что его дочь на днях выходит замуж.

— Он вернулся на свадьбу. Деньги в Бруклине, у портного, поляка по фамилии Лукашек.

Наконец, в голосе Мегрэ зазвучали торжественные нотки.

— Лукашек, который скорее всего не знает, что хранит, должен отдать деньги девушке, которая представится как Луиза Лабуан.

— Она приедет?

— К сожалению, нет.

Мегрэ не хватало слов. Он добавил:

— Умерла на этой неделе в Париже.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими словами и даже остротами. Они не виделись несколько лет. Когда комиссар положил трубку, его немало удивил вид Альберта, который застыл на месте с сигаретой во рту.

Было ясно, что агенты ФБР без труда найдут деньги и вернут их пострадавшему банкиру или страховой компании, если состояние было застраховано. Польский портной сядет в тюрьму. За соучастие Джимми О'Малли, вместо того, чтобы развлекаться на свадьбе дочери в Балтиморе, вернется, видимо, в свою камеру в Синг Синге.

Судьба Луизы зависела от пустяка, от цепочки вокруг запястья. Если бы мадемуазель Ирэн с улицы Дуэ нашла для нее сумочку другого фасона...

А если бы она пришла на улицу Понтье, чтобы лично забрать письмо?

Поехала бы Луиза Лабуан в Америку?

И что бы сделала потом, имея сто тысяч долларов?

Мегрэ допил пиво. Было жарко. Он выбил трубку. Но не в пепельницу, а в ведро с углем, постукивая о каблук.

— Можно тебя на минутку, Жанвье?

Комиссар показал на бармена, который сразу понял, в чем дело. Он уже смирился со своей ролью.

— Бери его с собой, запиши показания, дай подписать и отправь в тюрьму. Позвони судье Комельо.

Дело перестало его интересовать. Когда Альберт переступил порог, Мегрэ вернул его.

— Я забыл заплатить за три аперитива.

— Пойдет за счет заведения.

— Ни в коем случае.

Комиссар дал ему несколько купюр и, как если бы это было в баре на улице Этуаль, сказал:

— Сдачу оставь себе.

И будто стоя за стойкой в своем баре, Альберт ответил машинально:

— Благодарю, месье.